

КАЩКАЯ ЛЕТОПИСЬ

№ 3
(142)
лето
2007
года

Кадка. Лето. Юрьевское.

Снимок Валентины Ивановны Абрамовой. 2006 год

Журнал краеведов
Кацкого стана
(волости Кадки)

«Кацкая летопись»

№ 3 (142)

лето 2007 года

Цена свободная

Журнал является
преемником газеты
«Кацкая летопись»,
выходившей в 1992-2002 гг.

Редакционная группа:

С.Н. ТЕМНЯТКИН

Ю.Н. ЕРШОВ

ИЗДАТЕЛЬ

некоммерческая

организация КЛУБ

«КАЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

АДРЕС РЕДАКЦИИ

И ИЗДАТЕЛЯ:

152846, д. Мартыново

Мышкинского района

Ярославской области

ТЕЛЕФОН В МАРТЫНОВЕ

(48544) 3-27-36

«КЛ» ждёт помощи!

Наши банковские реквизиты:

ИНН 7619002912

КПП 761901001

расчётный счёт

40703810077150110020

Северный банк Сбербанка

России ОАО г. Ярославль

в Угличском ОСБ РФ

№ 2532/056 г. Мышкин

корр. счёт

30101810500000000670

БИК 047888670

КЛУБ

«КАЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

© «Кацкая летопись»

Перепечатка –

обязательно со ссылкой на

«КЛ»

Номер набран и сверстан

в МУК «Этнографический

музей кацкарей»

(д. Мартыново

Мышкинского района

Ярославской области),

отпечатан в ОАО

«Полиграфия»

(г. Ярославль,

ул. Республиканская, д. 61)

Заказ 4693 Тираж 800

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НОМЕРУ

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Новости Клуба «КЛ»

3 стр.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Дарома, да не больнё

3 стр.

ПЕРЕПИСЬ «КЛ»

Платуновская библиотека

4 стр.

КАЦКИЙ СТАН СЕГОДНЯШНИЙ

Современные новости

древней Кадки

5 стр.

ИСКИРЬКИ

Коротко о Кадке и кацкарях

6 стр.

КАЦКИЕ РОДОВЫЕ

Надежда Знамова

«Учительская династия Знамовых»

6-7 стр.

КАК ЭТО БЫЛО?

«Из Запасова Кубасова

до смерти зарезали»

(читательские отклики на статью

о гибели Михаила Кубасова)

8-9 стр.

РОДНОЕ ПРОШЛОЕ

Павел Голосов

«Про Дуню-Вырви Глаз

и тараканов»

10 стр.

ПРОГУЛКИ ПО МУЗЕЮ

Сергей Темняткин

«Прогулка четвертая:

Бабы видели в кути...»

11-21 стр.

КАЦКАРИ

Кологривцево. Конторские

22-23 стр.

А НАЗАГЛЯДОЧКУ

Фотографии на память

24 стр.

Узелки на память

Новости Клуба «КЛ»

ПРЕЖДЕ ИСПРАВИМ ОШИБКИ

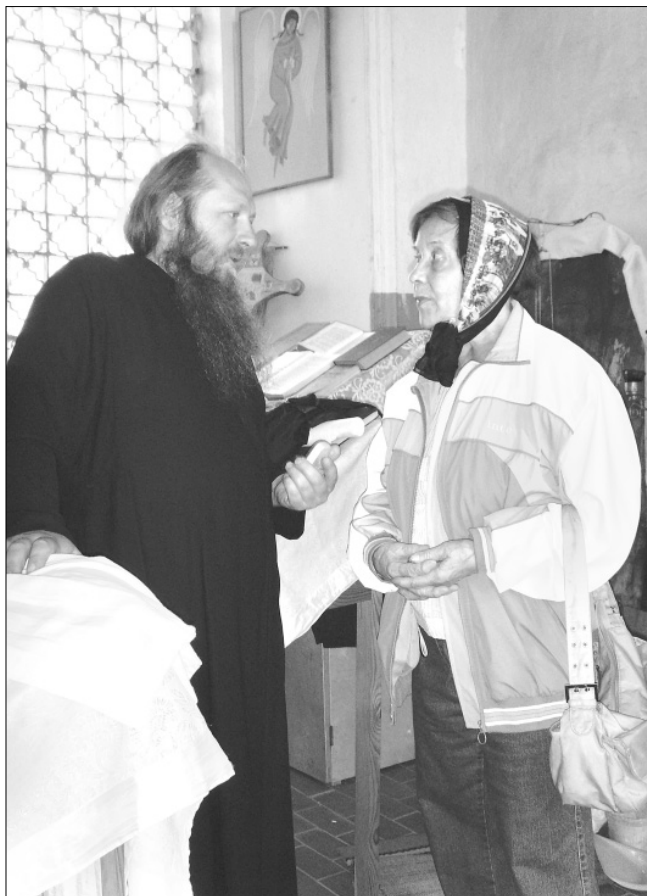
Издание «Кацкой летописи» – дело хлопотное и кропотливое: приходится по двадцать раз проверять и перепроверять каждый факт, имя и цифру. Тем обиднее бывает, когда сложный краеведческий текст выверишь на «5», а в простом, о чём все знают – ошибки. Мы имеем в виду подпись под фотографией, что была помещена на 3-ей странице № 2 (141) «КЛ». Правильно читать её следует так: «Людмила Ямильевна Журавлёва (стоит первая слева) с самодельными артистами «со всех волостей». Кацкари из них Татьяна Николаевна Журавлёва (четвёртая в пиджаке) и Елена Вячеславовна Колпакова (крайняя справа)». Приносим читателям извинения.

СЕНСАЦИЯ ЛЕТАЕТ ПО КАДКЕ

А чудо рядом. Заказала как-то научная сотрудница московского института этнографии и антропологии, кандидат исторических наук Ирина Михайловна Денисова путёвку в Музей кацкарей, прослушала экскурсию и... обалдела, если так можно сказать о человеке с учёной степенью. Дело в том, что в музее ей рассказали о летающей змее Палучате, в кацких мифах приносящей богатство. А научный мир тем временем десятилетия безуспешно спорит о том, что это за «палучай» древнерусских летописей, которым поклонялись наши предки славяне. По такому случаю Ирина Михайловна приехала в Кадку ещё раз на несколько дней, обошла стариков и готовит статью, которая обещает стать сенсацией. Ай да кацкари, какую древность сохранили...

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ 70 ЛЕТ

И такое бывает: Ирина Васильевна Покровская не была в Кацком стане ровно 70 лет. Хотя и кацкарка по отцу, а её дед Павел Покровский служил священником в Ординской церкви. Но вот встреча состоялась и с Ордином, и с Рождественном, в котором преподавали её родители. Для «КЛ» она привезла свои воспоминания, попросила разузнать в архивах о её деде побольше. Так что встречи продолжатся!

В этом храме служил её дед. Ирина Васильевна Покровская и нынешний священник Ординской церкви отец Иоанн.

Снимок С. Темняткина, 31 июля 2007 года

С книжной полки

Дарома, да не больнё

Ширится круг изданий, где упоминается древняя наша волость Кадка, и это приятно: Кацкие края вновь приобретают историческую и культурную значимость для России. Одно из последних таких изданий-упоминаний – туристская карта-схема, выпущенная департаментом культуры и туризма Ярославской области в текущем 2007 году: на одной стороне – план города Мышкина, на другой – карта Мышкинского района, куда территориально входит и Средняя Кадка.

Ура, и вот новость, приятная во всех отношениях: наконец-то, после 60-летнего перерыва название нашей реки снова написано правильно, через «д» – «Кадка». На карте отмечены и другие кацкие реки, и наиболее известные кацкие селения, и сам Музей кацкарей, разумеется. Очень ёмкие и доброжелательные тексты о деревне Мартыново, музее, кацкарях – спасибо! Тем горше, что ошибки и неточности на карте всё-таки есть. «Дарома, да не больнё», как говорят в таких случаях кацкари – «Хорошо, да не очень».

На карте подписаны четыре реки Кацкого стана: Кадка, Пойга, Топорка и... Кононово – странное название для реки, не правда ли? На самом деле Кононово – лес, из которого река вытекает, а называется она Щёковка (Щоковка).

Не все кацкие селения расположены там, где они находятся в действительности. Особенно не повезло в этом смысле Николо-Топору; по логике, он должен стоять на реке Топорке, но составители карты поместили его где-то между Мергой и Глинином. Не там и Апраксино: оно на левом берегу Топорки, а не на правом.

Музей кацкарей создан не 2001 году, как сообщает карта, а в 2000-ом. Можно даже точную дату назвать: 29 мая постановлением главы Мышкинского муниципального округа за № 74. И расположен он, уж если на то пошло, не в «крестьянской избе конца XIX века» – изба, которую занимает этнографическая экспозиция, построена в 1911 году, а это как никак начало уже XX столетия.

Любопытно, что в одном и том же тексте Мартыново названо и деревней, и селом – а это уже явная редакторская небрежность! Мартыново – это, конечно же, деревня, потому как в нём нет и никогда не было церкви.

И последнее замечание: слово «кацкари» пишется с маленькой буквы – так же как «казаки», например, «русские» или какие-нибудь «французы»...

С. Темняткин

Перепись «КЛ»

Платуновская библиотека

Есть у деревни Платунова душа – библиотека. И есть хранительница истории – её библиотекарь Валентина Николаевна Иванова. Коренная уроженка деревни, внимательная и неравнодушная ко всему вокруг, Валентина Николаевна бережно хранит в своей памяти многие лица, судьбы, события. А последнее её увлечение вовсе удивительное: Валентина Николаевна одалживает у земляков старинные и не очень фотографии, делает их копии и оформляет альбомы. Снимки из этих библиотечных альбомов – частые гости на страницах «КЛ». А сегодня очередь и самой Платуновской библиотеки...

1. Полное название: Платуновская сельская библиотека – филиал № 23 Центральной библиотечной системы Угличского района.

2. Юридический адрес: 152644, д. Платуново Угличского района Ярославской области.

3. Год основания: неизвестен.

4. Список работников, их стаж работы в культуре (в скобках – в стенах данной библиотеки):

ИВАНОВА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА – библиотекарь – 40 (40).

5. Награды и звания работников библиотеки. В.Н. Иванова награждена юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970 г.) и медалью «Ветеран труда» (1991 г.).

6. Число работников с высшим образованием: нет.

7. Число уроженцев Кацко-го стана: один.

8. Руководитель: К.В. Кузнецова, директор Централизованной библиотечной системы Угличского района.

9. Сколько зданий занимает библиотека? Библиотека расположена на втором этаже здания, в котором размещены ещё ФАП (фельдшерско-акушерский пункт) и почта (почтовое отделение).

10. Краткое описание здания. Здание каменное, с электрическим отоплением, введено в эксплуатацию в 1987 году. Библиотека занимает две комнаты: абонемент и читальный зал.

11. Книжный фонд: на 1 января 2007 года – 9098 экземпляров.

12. Выписываемая периодика: библиотека получает газеты «Аргументы и факты», «Золотое кольцо» и «Угличскую газету» и журналы «Сельская новь», «Пчеловодство», «Тошка и К°», «Подвиг».

13. Технические средства: нет никаких.

14. Некоторые статистические показатели работы в 2006 году: число читателей – 196 (в том числе 35 детей), книговыдач – 3900 (в том числе детей – 1200).

15. Основные мероприятия, проведённые библиотекой в 2006 году: особо запомнились вечер в День пожилого человека «В природе осень золотая, а в жизни – возраст золотой...», беседы на краеведческие темы с показом старинных фотографий и беседы с детьми к юбилеям писателей.

16. Общесельские (общедеревенские), общекатские и другого уровня мероприятия, в кото-

рых принимала участие и библиотека. Библиотека традиционно принимает участие в проведении митинга в День победы у памятника Славы – готовит литературный монтаж со школьниками.

17. Количество библиографических справок, выданных библиотекою в 2006 году: 17.

18. Поступления 2006 года: в прошлом году библиотечный фонд пополнили 15 книг и 43 журнала с брошюрами – всего 58 экземпляров.

19. Дары и дарители: в 2006 году 50 книг подарила Людмила Александровна Орлова и 20 – Татьяна Геннадьевна Иванова.

20. Что из книг и периодики пользуется наибольшим спросом среди читателей? Любят читать детективы, любовные романы, журналы «Подвиг» и «Сельская новь».

21. Основные проблемы: необходимы деньги на ремонт крыши, косметический ремонт, новые окна, некоторый инвентарь; мало средств на подписку и на покупку книг, особенно детских.

22. Есть ли телефон? Нет.

Валентина Николаевна Иванова в родной библиотеке.
Снимок С.Н. Темняткина, 2007 год

Кацкий стан сегодняшний

Живём!

Семейное дело Кургузовых

Деревня Дуново Кацкого стана в начале прошлого века по числу дворов, доходивших до двухсот, не уступала стоящему поблизости селу Ордину, а по поставкам телятины в Москву и Питер, продажам зерна, муки, льноволокна даже превосходила его. Но к началу нынешнего века после великого пожара от былого величия деревни ничего, кроме пруда да десятка домов, не осталось. Даже ферма, ещё совсем недавно дававшая работу дуновцам, два года назад была закрыта. Выживай, народ, как хочешь...

Остался без работы и механизатор Евгений Кургузов, в начале 90-х годов переехавший с молодой женой из деревни Ульяновки в Дуново, где им было предоставлено жильё. Тот старый дом они отремонтировали, обустроили, обжились так, что если прежде, по молодости, их тянуло в город, то сейчас никакими ковригами не заманить. Даже приезжая по выходным в Углич навестить родственников, Марина с Евгением долго в городе не задерживаются и спешат домой. Там у них пасека в семь ульёв, мини-ферма на восемь коров, семь овцематок, четыре свиньи, одна из которых принесла недавно 15 поросят.

Новую ферму они в прошлом году построили, воспользовавшись предоставленным в рамках национального проекта развития АПК кредитом. Тот кредит в сто с лишним тысяч рублей они одними из первых в Угличском районе взяли, найдя среди родственников двоих поручителей и оформив все необходимые бумаги. Правда, ради этого Марине пришлось шесть раз в Ярославль гоняться, зато супруги приобрели для новой фермы коров, мобильную вакуумную дойку, электропастуха и рулонный пресс-подборщик.

Говорить, насколько техника облегчила их труд и сэкономила время, не приходится. Если прежде пастушья была тяжёлым бременем, от которого никуда не деться, то с приобретением электропастуха проблем с ней уже не знают. Утром Евгений выгоняет коров за ручей, огораживает пастбище, расставляя через каждые двадцать метров тычки с проводом, и уходит домой заниматься

другими делами. А коровы пасутся. Первое время они, правда, пытались провод игнорировать, но, получив разряд тока, больше к нему не подходили. Когда однажды плюсовой провод свалился с аккумулятора, и электропастух практически бездействовал, ни одна корова не ушла.

Мобильная вакуумная дойка также Марине и время, и силы сберегает. Включит она её в электросеть и, перекачивая на колёсиках от коровы к корове, доит. На обслуживание восьми коров затрачивается всего около часа, в то время как год назад на дойку пяти коров у неё уходило более часа. Правда, и коровы тогда доили не по 15 кг молока в день, а все 20. Но с этим уже ничего не поделаешь: осень и зима были такие, что сено в рулонах наполовину сгнило. Оттого и рацион кормления животных нынче несколько иной.

На этот год, чтобы сено больше не гноить, Евгений поставил перед собой задачу сделать около фермы навес для сена. А заодно – пристройку к ферме для мойки доильного оборудования и провести на ферму водопровод. Глава Отрадновского поселения Владимир Абрамов и депутат областной думы Александр Ремизов обещали им через Ассоциацию крестьянских хозяйств стройматериалами помочь, чтобы семья Кургузовых быстрее на ноги встала и крестьянское хозяйство организовала. Тогда у Марины с Евгением, шестнадцатилетним Дмитрием, десятилетним Ильёй и крошкой Ксюшей будет собственное семейное дело.

Николай Морозников
(«Угличская газета»)

БАЛАКИРЕВО

ДОЛОЙ БЕЗДОРОЖЬЕ! Ушло, наконец-то, то время, когда непроезжая старая часть деревни завидовала новой улице Заречной, давно имеющей плиточное покрытие. Этим летом благоустроили и Еврейский (это где клуб) с Лаговцевым посадки, пустив между ними зигзагом гравийную насыпь. Балакиревцы очень рады, тем более что такой шикарный подарок от властей да от дорожников получили аккурат к престольному празднику – Летнему Кузьмадемьяну (14 июля).

РОЖДЕСТВЕНО

ПОКУПАТЬ СТАЛИ БОЛЬШЕ. Мы-то всё на свою бедную жизнь сетуем, а вот статистические отчёты Мышкинского райпо говорят об обратном. Нынче по сравнению с 2006 годом товарооборот его магазина в Рождествене-Кацком увеличился в два раза. Иными словами, в два раза возросла покупательская способность местного населения! Райповские магазины в соседних Балакиреве и Мартынове тоже не подкачали – увеличили товарооборот на 35-40 процентов. Ну а Лидии Васильевне Новиковой, заведующей Балакиревским магазином, в прошлом году было присвоено почётное звание «Ветеран потребительской кооперации Ярославской области». Хорошо всё это!

ПЕРЕМОШЬЕ

НИКТО ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ ЖИВЁТ... Вести из малых деревень нынче сродни сообщениям с фронта: что ни год, то потери. Опустело в конце 2006 года и Перемошьё (иначе Черемошьё) в Средней Кадке – последняя его жительница Валентина Васильевна Короткова, которую больше знают под девичьей фамилией Петухова, купила дом в соседнем Нефине. А ведь было когда-то Перемошьё и богатым, и знатным – сельцом, где жили помещики Пекины. Но всё это уже было...

НЕФИНО

ОДОЛЕЛИ КАБАНЫ. А у нефинцев своя проблема (как, впрочем, в нынешнее лето во многих деревнях): повадились на здешние огороды кабаны, выкапывают картошку целыми полосами. Пугал-полохал не боится, а сидеть ночи напролёт возле гряд не будешь. Помогли бы охотники, да лицензии на отстрел пошли слишком дороги, местным не по карману. Так и живём: без картошки и без мяса. Зато свиньи сыты.

(По сообщениям с мест)

Искирьки

Коротко о Кадке и кацкарях

РАЗНЫЕ ВИДАЛА НАША КАДКА ВРЕМЕНА, и нынешнее оскудение народом далеко не первое. Из документов известно, что на рубеже XVI-XVII столетий в Кацком стане нарушились 2 села, 6 погостов, 9 селец и 86 деревень – всего 103 населённых пункта! Но ничего, государство тогда вновь повернулось лицом к деревне, и она восстановилась. Может, и нынче ещё нас ждут лучшие времена!

УКРАШАТЬ СВОИ ЖИЛИЩА ВЕТОЧКАМИ БЕРЕЗЫ НА ТРОИЦУ – общерусская традиция, но и здесь кацкари нашли в чём соригинальничать. Троичные ветки, по кацким обычаям, должны висеть... до следующей Троицы! Если ветер сорвёт – значит, так и надо, а вот человеку дозволено их поменять только через год – в четверг накануне следующей Троицы. Причём старые ветки бросают все-преимущественно в бакалдину (луку, канаву), и что б в ней вода была. Вот такие практики: и обычай сохраняется, и... канавы заваливаются...

ОТ СТАРОСТИ ДО ДРЕВНОСТИ... два года! По крайней мере, для священников Таральковской церкви, что в Средней Кадке. Когда 27 января по старому стилю 1892 года они отпели 71-летнего крестьянина деревни Жукова Ермилу Изотова Позднякова, то, заполняя метрики, в графе «от чего умер» написали «от старости». А 10 марта того же года, хороня 73-летнего жителя деревни Кузьмадемьянки Фому Иванова Теврюкова, написали – «от древности». Гм, от чего ж у них умирали 72-летние? «От старческой дряхлости!» Именно такой диагноз поставили они кузьмадемьянскому же крестьянину Ивану Гурьеву Шерстнёву, погребая его 23 ноября 1892 года.

НА ЗАКАТЕ КОЛХОЗНОЙ ЭПОХИ, в начале 1980-х, некоторые кацкие деревни обзавелись новыми улицами, получившими прелюбопытные названия: в Балакиреве – улица Заречная (за рекой Пойгой), в Рождестве – Собачий конец (по обилию собак), в Мартынове – Румыновка (строила бригада румын), в Платунове – БАМ (возводилась одновременно с Байкало-Амурской магистралью) и в Ордине – Посёлок, или Воронцово (по близлежащей деревне).

Кацкие родовые

Учительская династия Знамовых

Род Знамовых, о котором я хочу рассказать, давно проживает на Кацкой земле. Их дед Андриян Григорьевич, как и все кацкари, занимался хлебопашеством и разведением скота. Хотя семья была и небольшая (1 сын и 4 дочери) и все добросовестно работали, доходы от земли были небольшие. Чтобы свести концы с концами, Андриян Григорьевич по зимам, когда заканчивались уборочные работы, уезжал в Питер на заработки: работал грузчиком, рубщиком мяса, продавцом у частных торговцев. Зимой дети управлялись сами.

Но вот сын женился, стал сам хозяйствовать вместе со своей женой Татьяной. В семье появились дети. Их было шестеро: 2 дочери и 4 сына. Зимой они ходили в школу, а летом помогали отцу. Друг за другом закончили сначала Мартыновскую начальную школу, потом Рождественскую семилетку. Учились хорошо – просто не могли не учиться таку учителей, полностью отдающих себя учительскому труду.

Одна из них Павла Александровна Пятницкая, полвека занимавшаяся любимым делом и награждённая за это орденом Ленина. Не одно поколение обучила она и выпустила из Мартыновской школы.

Ещё больше поражали учителя Рождественской школы. Директор школы Александр Дмитриевич Груздев – историк, увлекательный рассказчик, доброжелательный в общении. Алексей Иванович Снегов – математик, учитель от Бога. Он ходил на уроки с журналом, мелом, математическими приборами (треугольник, циркуль, транспортир) – всё остальное в голове. Мария Фёдоровна Кукушкина – учитель русского языка и литературы; маленькая, худенькая, строго одетая, с прекрасной дикцией. Мария Александровна Покровская – учительница географии. Её рассказы всегда сопровождалась показом картин и рисунков, чтением дополнительных описаний природы разных уголков земного шара.

Нынешним ученикам, имеющим радио, телевидение, компьютер и многие другие технические средства, мои воспоминания покажутся примитивом, но ведь мы учились в 30-е годы XX века! Вся атмосфера школьной жизни и учёбы была в радость. Пионерская организация, школьные праздники, кинофильмы в сельском клубе (хотя и редкие, но с посещаемостью 100%), участие в самодеятельности, весёлая дорога за пять километров до школы и обратно делали учёбу интересной и лёгкой. А наши учителя глубокими знаниями, любо-

вью к детям, своим внешним видом и поведением внушали любовь и уважение к учительской профессии, мечту быть такими же, как они.

Первым покинул родовое гнездо сын Михаил, 1909 года рождения. Отслужив в армии два года, он вернулся домой, а затем уехал на годичные курсы в Угличское педучилище. После их окончания Михаил Иванович был направлен в Богородскую семилетнюю школу Мышкинского района, где проработал учителем труда и завхозом до пенсии. Перерыв был только для участия в Великой Отечественной войне. Дважды тяжело ранен, умер, будучи инвалидом войны, в 1986 году.

Второй сын Знамовых Василий, 1918 года рождения, после окончания Рождественской школы тоже поступил в Угличское педучилище в 1934 году и после его окончания в 1937 году был направлен во Флоровскую начальную школу, а на следующий год – в Артемьевскую школу Мышкинского района. Осенью 1939 года Василий Иванович был призван в армию, где и застала его война. Воёвал он все четыре года, а после победы был оставлен в действующей армии. На фронте был ранен четыре раза. В 1960 году вышел в отставку по состоянию здоровья в звании подполковника. После этого двадцать лет ещё трудился, будучи на пенсии. Умер в 2006 году инвалидом I группы по зрению.

Виктор Иванович, третий сын, также после окончания Рождественской школы в 1935 году поступил в Угличское педучилище и после его окончания с 1938 года работал учителем начальных классов в Арфинской школе Мышкинского района. В 1939 году вместе с братом пошёл служить в Красную Армию. Служили братья в одном полку. Война началась для них в Прибалтике, под Каунасом; отступали из Прибалтики с боями. В один из таких боёв Виктор Иванович погиб.

Младший из братьев, Николай

Иванович, после окончания школы поступил в техникум города Вязники, но в 1942 году был призван в армию и тоже отправлен на фронт. Война отнеслась к Николаю милостиво – он остался жив, награждён орденами и медалями. После войны закончил техникум, некоторое время проработал в городе Кашине, а затем вернулся вместе с женой Ольгой Васильевной в деревню Мартыново и здесь до пенсии – более 30 лет – проработал в восьмилетней школе учителем математики, физкультуры и труда. А его жена Ольга Васильевна в течение 52-х лет проработала учителем русского языка и литературы в школе, окончив заочно Ярославский пединститут имени Ушинского.

Одна из сестёр Знамовых Мария Ивановна, 1922 года рождения, с перерывами в учёбе в годы войны закончила 10-ый класс Мышкинской средней школы, а затем год училась

во всё том Угличском педучилище, где и братья. После окончания училища работала воспитателем детского дома в посёлке Некоуз. После войны продолжила образование в Ивановском текстильном институте, после окончания которого была направлена на работу в город Вологду на льнокомбинат. Работая там инженером-теплоэнергетиком, Мария Ивановна ещё несколько лет работала по совместительству учителем математики в вечерней школе рабочей молодёжи при комбинате. В общей сложности её трудовой стаж составил более 40 лет.

Надежда Александровна Знамова (жена Василия Ивановича) после Рождественской семилетней школы тоже поступила в 1939 году в Угличское педучилище, но в связи с изменением места жительства родителей, стала учиться в городе Кексгольме (ныне Приозёрск) под Ленинградом.

Окончание 9-го класса совпало с началом Великой Отечественной войны. Эвакуировались отсюда снова – в село Юрьевское.

Первые три года войны работала в колхозе на всех видах работ (вплоть до рытья окопов под Мышкн о м, когда враг рвался к Москве и фронт продвинулся достаточно близко к этим местам). 10-ый класс Мышкинской средней школы закончила год спустя уже вместе с Марией Ивановной. Лишь в 1944 году поступила в Московский государственный университет им. Ломоносова и окончила его в 1949 году.

За время совместной жизни с Василием Ивановичем (поженились в деревне Мартынове в марте 1947 года) из-за его служ-

ходило менять места проживания, а соответственно и работу. Последние 20 лет работала в школах города Рыбинска, где живёт и сейчас.

Не обошла профессия учителей и второе поколение семьи Знамовых.

Галина Васильевна Знамова – дочь Василия Ивановича и Надежды Александровны – окончила Ростовское музыкально-педагогическое училище и Костромской педагогический институт имени Некрасова. По полученным специальностям работала учителем музыки, изобразительного искусства, черчения и технологии. Сейчас на пенсии, но продолжает работать в школе № 28 города Рыбинска.

А дочь Николая Ивановича и Ольги Васильевны Татьяна закончила с отличием Ярославский педагогический институт имени Ушинского и работает учителем русского языка и литературы в городе Гусь-Хрустальный Владимирской области.

Есть учителя и в третьем поколении семьи Знамовых.

Внучка Николая Ивановича Ольга Викторовна окончила Минский государственный университет и работает учителем русского языка и литературы в одной из школ города.

Внучки Василия Ивановича – Наталья Сергеевна и Светлана Валерьевна – закончили Рыбинский педагогический колледж и начали свой трудовой путь с работы воспитателей в детском саду. Но в связи с реформой преподавания и сокращением рабочих мест в учреждениях дошкольного образования, им пришлось продолжить своё образование в других областях – не по выбранной ранее специальности. Наташа окончила заочно Московскую академию экономики и права, а Света получила второе образование в Московском институте юриспруденции (с красным дипломом).

Таким образом, семью Знамовых по всем понятиям можно считать настоящей учительской династией в трёх поколениях. 12 человек только из одной семьи выбрали для себя профессию преподавателя!

Чем же объясняется столь единодушный выбор области применения своих профессиональных возможностей? Наверное, прежде всего, тем, что на нашем пути встретились педагоги, настолько увлечённые своим делом, имеющие глубокие знания в разных областях и умеющие так интересно поделиться ими, что хотелось подражать этим незаурядным личностям, быть сопричастными к этому труду, «сеять разумное, доброе, вечное...» в наших потомках.

Надежда Александровна Знамова,
г. Рыбинск

Три поколения семьи Знамовых. Стоят (слева направо): Николай Иванович Знамов; его жена Ольга Васильевна Знамова; невестка Надежда Александровна Знамова; брат Василий Иванович Знамов. Сидят в среднем ряду: старший брат Михаил Иванович Знамов, а у него в руках сын Николай Иванович Виктор; мать Татьяна Яковлевна Знамова; отец Иван Андриянович Знамов, на руках которого второй сын Николая Ивановича Василий; сестра Мария Ивановна Знамова (в замужестве Павлова) с сыном Павлом на руках. Сидят впереди: дочь Михаила Ивановича Нина; её сын Михаил; сестра Александра Ивановна Знамова (в замужестве Григорьева). д. Мартыново. 1958 год.

Снимок из личного архива Татьяны Николаевны Знамовой-Пономаренко (г. Гусь-Хрустальный)

Как это было?

«Из Запасова Кубасова до смерти зарезали»

(читательские отклики на статью о гибели Михаила Кубасова)

Статья А.А. Романюка «Где Кубасова зарезали, там не вырастет трава... (к истории создания песен о гибели Михаила Кубасова)», напечатанная в № 1 (140) «Кацкой летописи» за этот год, всколыхнула в буквальном смысле этого слова весь наш Кацкий стан. Всюду вспоминали ту давнюю трагедию, уточняли, дополняли, комментировали. Публикуем три наиболее полных читательских отклика, но прежде напомним кратко суть.

А суть незамысловата. В году, наверное, 1945-ом в деревне Богданке убили, говоря современным языком, местного «авторитета» - парня из деревни Запасова, что в Нижней Кадке, Михаила Кубасова. Случай по тем временам не такой уж и редкий, но его смерть почему-то отозвалась красивыми легендами, песнями и до сих пор помнится кацкарями. И в самом деле, почему? Ведь сколько их, зарезанных на биседах! Это извечная тайна человеческого бытия: отчего-то одних, вроде бы и неидеальных, помнят, а других – хороших да разумных – очень скоро забывают...

Но разговор сегодня не об этом. Уважаемые читатели, если вы можете ещё что-нибудь дополнить – пожалуйста, делитесь своими воспоминаниями на страницах «КЛ». Вы ещё не забыли, что мы пишем историю вместе!..

ТРАГЕДИЯ НА БИСЕДЕ

Кубасова я видел три раза, и все три раза с ножом в руке. Был он упрямый и своевольный, зачинателем многих драк на престольных праздниках. Никого не боялся; говорят, надеялся на отца, а отец был лесник – уважаемый человек. Мишке человека пырнуть – раз плюнуть...

Так вот, о моих встречах с Кубасовым. В первый раз я его видел в Климатине на военных сборах. Второй раз – в Широково; иду по улице, навстречу он с друзьями:

- Режь его! – кричит, имея в виду меня.

Но я, будь что будет, решил идти спокойно и услышал Мишкино:

- А побегал бы, я б тебя зарезал!

В третий раз я встретил Кубасова в день его гибели, вернее, даже за несколько минут до неё. Кстати, Дуня, моя будущая жена, тоже в тот день Кубасова видела. Она дома сидела, когда он со своими запасовскими товарищами шёл мимо в Богданку на тамошний престольный праздник Преображеньё. Окна низенькие, вот и стучит в окно:

- Мне б воды!
Мать вроде бы за ругань, а Дуня её успокаивать – не связывайся, мол. По двору курица ходила – в неё Мишка нож метать! Дуня от греха подальше решила в этот день на гулянье не идти.

Мишка в Богданке остановился гостить у своих родственников Журавлёвых. А Ванька по прозвищу Галахов, ходивший у него в адъютантах, отправился в клуб на биседу. Там уже гуляли «Кадрель». И Жоржик танцует! Жарко ему; он пиджак скинул и на лавку бросил. Ваньке Галахову, который на той лавке сидел, это страшно не понравилось – он и скинул пиджак на пол.

Жоржик:

- Положи, где было!

Галахов:

- Нет!

Жоржик на Ваньку драться, тот в окно. Народ, чувствуя приближение грозы, врассыпную. И надо же мне в этот момент явиться на биседу! Все из клуба, а я на лавку сел. Сообразить ничего не успел, как врываються Галахов с Кубасовым:

- Этот что ли против нас! – и метнул в меня ножом. Нож над моей головой в бревно воткнулся.

Галахов:

- Да не-е, не он!

Развернулись.

- Кто здесь против Кубасова?! – гремел Мишка, а я потихоньку вышел. На выходе стоял Жоржик с

Перед биседой. Надпись на обороте: «Снимок 1947 года 21 мая. Кудрявцева З.И., Быстрякова З.И., Гусарова А.М., Орлов В.А. На память Орлову Вите. Храни и дорожи». д. Козлово, 1947 год.

Снимок из семейного архива Орловых (г. Углич)

деревянным запором в руках и всех спрашивал:

- Ну ты чё, за Кубасова что ли?
- Не! – шарахались выходящие.

А когда вышел сам Кубасов, Жоржик как выпял ему в лоб этим запором, так тот замертво и упал. Ну а дальше в клубных сенях кто ножом, а кто и шилом всего Мишку искололи-изрезали. Увезли его в больницу, в Масальское, да уже мёртвого.

А Жоржика потом в прокуратуру вызывали:

- Ты Михаила Кубасова убил?

- Нет, я его только с ног сбил. А уж что было дальше, не видел.

И всё-таки его, вроде, посадили – лет на десять что ли. А о Мишке никто больно-то и не жалел. Только собака, говорят, дни и ночи на его могиле проводила. А Жоржик – это Георгий по фамилии, кажется, Волков. Жил в Ордине с матерью, работал на сливном пункте в Тимофееве. С войны вернулся инвалидом: левая рука не владела, так он Мишку одной правой с места повалил.

Пётр Сергеевич Кукличев,
д. Воронцово, Нижняя Кадка

А ЖОРЖИК БЫЛ КАЦКАРЁМ

О Михаиле Кубасове я слышала много. Конечно, для кого-то он был и хорошим, но люди осуждали его – был он мазуриком.

Отец его, дядя Митя, был лесником – ох, и строгим! Деревянику срубить не даст, доглядит – засудит; бери только кусты да сусняк.

А Мишу, и верно, убили в Богданке в праздник Преображения. Он как раз у Журавлёвых гостил, а местные парни, которых он всех достал, договорились его проучить.

Биседа была в конторе – старинном доме, обшитом тёсом. Когда Кубасов из неё выходил, в сенях его сшиб колом Жоржик, а там уж другие добились. Он во всём потом признался и сидел.

А еле живого Мишку сволокли в дом Журавлёвых. Отец-лесник на лошади приехал и повёз его в Масальское, да не судьбой было Мишке выжить, умер он.

Песен о нём много пели, а я помню только:

*Мишку резали,
Текла кровиночка;
Хотела жизнь спасти
Залётка Зиночка...*

А о Жоржике в «КЛ» неправ-

ильно написано: никакой он не финн, а природный кацкарь. По паспорту – Егор Волков; жил в Ордине, а работал у нас в Тимофееве на сливном пункте. И не дезертир он, а участник войны. После отсидки в Ордино к Николаю Васильевичу Волкову приезжал – в последний раз в 1970-е годы.

Я думаю, что в «КЛ» его перепутали с Пушком – вот тот был дезертир, скрывался по землянкам. Ходил по деревням (зимой на лыжах): грабил, издевался. Рассказывают, на одной из бисед в какой-то деревне парню ухватом глаза выколол!

Убили его где-то в Богородском лесу. Сам Пушок был высоким – метра 2 ростом. Так, говорят, там же в лесу яму вырыли, разрубили его пополам, что б поместился, и закопали – вот так ненавидели!

Вера Фёдоровна Корешкова,
д. Воронцово, Нижняя Кадка

ПЕСНЯ ПРО МИШУ

Было это, если мне не изменяет память, летом 1945 года. Я тогда ещё пацаном смотреть на биседы бегал и садился всегда рядом с гармонистом. А если Боря Чураков из Юрьевского играл, так когда выходил покурить, и мне разрешал попиликать. А девушки и рады – и под мою игру вальсок танцуют.

С тех бисед и запомнил я слова песни о гибели Михаила Кубасова, которую исполняли на мотив «Семёновны» и под которую танцевали.

*Во Запасове
Кубасов Миша жил –
На биседушки
Он гулять ходил.
Он гулять ходил
И не знал того,*

Деревенские парни послевоенной поры. Слева направо: Миша Соловьёв из Кучина, Саша Широков из Кузьмадемьянки и, кажется, его брат Дима Широков. д. Аристово, рубеж 1940-50 годов.

Снимок из семейного архива Веры Алексеевны Дедюевой (д. Аристово, Средняя Кадка)

*Что ординские
Хотят убить его!*

*А ординские
На Мишу злились
И убить его
Уговорились.
Колом ударили,
Упал в сторонушку –
Потревожили
Ему головушку.*

*Засверкал тут нож,
И погиб герой,
Только вскрикнуть мог:
«Прощай, мой дом родной!
Прощай, мой дом родной,
Прощай, моя семья,
Из-за товарищей
Погибаю я!»*

А ещё запомнились две частушки о гибели Кубасова, которые также исполнялись на биседах:

*Как ординские ребята
По Богданке бегали –
Из Запасова Кубасова
До смерти зарезали!*

*Где Кубасова убили,
Там не вырастет трава;
Где его похоронили,
Там завянут деревья.*

Борис Михайлович Фёдоров,
г. Санкт-Петербург

Родное прошлое

Про Дуню-Вырви Глаз и тараканов

Клопы, тараканы, вши всегда сопутствовали деревенскому жителю. Их морили кипятком, травами, вымораживали зимой. Когда они очень одолевали, бывало, что зимой все переселялись к родственникам или соседям, а дом открывали нараспашку и в течение нескольких дней вымораживали. Но это не всегда помогало – насекомые одолевали, мучили, и для их уничтожения прибегали к разным способам, в том числе и не очень понятным.

Особенно надоедали тараканы. Крупные, шустрые, не поддающиеся никаким морилкам, они оккупировали дом – больше всего ночью. С другой стороны для нас, детей, они представляли некоторый интерес. Торчащие из щелей над печкой их задницы можно было состригать ножницами – это было каким-то видом охоты. пойманных тараканов запрягали в нитяные упряжки, к упряжкам привязывали коробки из-под спичек и устраивали их гонки.

Но вреда от них было всё-таки больше, и уничтожение тараканов всегда было важным делом. Как от них избавиться, не знали и использовали разные методы.

А вот как мы избавились от тараканов – особый случай.

Жила у нас в Дунове семья, поселившаяся неизвестно откуда. Их

фамилия – Синеицыны, но так их не знали и звали по прозвищам. Отец – Саша-Самолёт, сын – Костя-Пулемёт и мать – Дуня-Вырви Глаз. Были они все хорошими пастухами, знали скотину и умели за ней ухаживать. Жили пастушьим трудом и чем Бог подаст. Пасли скотину и жили в домах по череду – то есть с ночёвкой в доме и питанием. Местные жители их подкармливали, дополнительно давая молоко и хлеб – то есть то, что было тогда в деревне.

Однажды, проходя вечером после пастушни по деревне Трухину, Дуня зашла в наш дом. Попросила поесть. Моя мама посадила её за стол и налила щей. Надо заметить, что к пастухам в деревне всегда относились уважительно, какими бы они ни были.

Хлебая щи, Дуня увидела, что по столу ползёт таракан.

- У вас их много? – спросила она.

- Одолели, проклятые! Не знаем, как избавиться, - ответила мать.

- «Сичас» избавлю, - сказала Дуня.

Посмотрев на меня, она сказала: «Ну-ка, поймай мне таракана». Да нет ничего проще! Поймав таракана, я принёс его Дуне. «Положи его в коробок из-под спичек». Нашёл коробок и, запрятав туда таракана, подал Дуне. Она взяла коробок с тараканом, пошептала над ним, положила в карман дражного и грязного фартука и встала из-за стола. Мать налила Дуне бутылку молока, дала ей хлеба, и Дуня ушла.

На следующий день тараканы в доме исчезли. Больше я их никогда не видел, забыл, как они выглядят, и увидел только спустя 30 лет, когда учился в институте и жил на квартире в городе Ярославле.

Не веря ни в какие сверхъестественные явления, заговоры и прочую мистику, до сих пор не могу забыть то, что видел и испытал сам.

Павел Николаевич Голосов.
Нижняя Кадка, с. Ордино

Вид на деревню Трухино от реки Кадки. Первые два дома (слева направо) Демковых, третий – Бобровых. 1955 год.

Снимал Николай Васильевич Коломанов (г. Санкт-Петербург)
Снимок из собрания Этнографического музей кацкарей (14-7-17)

Прогулки по музею

Прогулка четвёртая:

Бабы видели в кути...

(Предыдущую прогулку «Полна горенка людей» смотрите в № 3 (137), лето 2006 года)

Куть

Первая комната в тёплой избе – это куть: кацкая «прихожая», да не только. Тутотки и сряду вешают, и паножаться, и рукодельничают. А ежели составить две лавки одна к другой да застелить постельничком, в кути можно и соснуть.

Мы почему-то привыкли думать, что все традиции зародились в глубокой древности и что святая обязанность музеев, тем более этнографических – неукоснительно те самые *глумяные* (древние) обычаи и порядки соблюдать. Но в том-то и дело, что жизнь – развивающееся явление. Медленно, но неизменно она вносит что-то новое в повседневность (а иначе было бы неинтересно жить) – сначала, вроде, и незаметное, но по истечении двух-трёх десятков лет перемены уже разительны и бросаются в глаза.

Скажем, *куть* – прихожая в кацкой избе. На протяжении XX века она испытала такую метаморфозу, что впору подивиться, а, подивившись, согласиться и отдать должное в музейной экспозиции. Тем более, что мы не знаем наверняка, как именно обстояли дела сто лет тому назад, а вот день сегодняшний хорошо знаком и известен – к чему ж стесняться его?

Но перейдём к сути.

Итак, куть – первая из четырёх комнат в тёплой части кацкой избы. Расположена она слева либо справа (в зависимости от ориентировки дома) от входной двери и всегда напротив кухни, место которой, стало быть – по другую руку. Как и кухня, куть освещена единственным окном – так, смеем надеяться, было испокон веков. А вот лёгкие тесовые не доходящие до потолка *переборки* (стены внутри жилища) появились в русской избе не так давно – как пишут, XIX веке, причём сначала на севере.

Быть прихожей – первое предназначение кути, но далеко не единственное. Её название хоть и происходит от древнерусского «кут» - угол, но в современной кацкой избе куть-прихожая далеко не угол, а солидная комната, в которой найдётся *уборщица* (места, вместимости) много для чего. В этнографической избе Музея кацкарей, например, размеры кути 3,72 на 2,56 м (9,52 квадратных метра – каково?!); как же используют такую площадь кацкари?

И вот вам метаморфоза-превращение: кацкари в кути трапезничают, и это новый обычай! Старожилы, чьё детство пришлось на 1910-20-е годы в один голос заявляют, что обеденный стол у них вместе с лавками стоял исключительно *под перёдом* (в передней комнате) – там и ели. Что заставило кацкарей в советское XX-е столетие перенести трапезу в куть, сказать трудно: то ли избы стали меньше, то ли мебели в передней комнате стало больше, но *паножатся* (едят) все в кути, ставя

стол по стене у окна: приятно, знаете ли, вкусности поесть да через *голубину* (стекло) за деревенской улицей *доглядывать*. По праздникам, когда гостей много, обеденный стол выносят... на середину кути, и лишь свадьбы, юбилеи, *отправки* (проводы в армию) да поминки дозволяется справлять в передней комнате.

Хотите ещё превращений? Пожалуйста! Испокон веков куть у кацкарей считалась углом стариков. В ту пору, когда семьи были большими, именно в кути, чтобы под ногами не мешаться, проводили они в основном своё время, занимаясь рукоделиями или же нянчась со внуками. В кути и спали, сдвинув две лавки друг к другу и застелив их постельником.

Кстати, в том, что именно стариков поселяли в кути, нет ничего удивительного: куть – первая при входе в жилую часть избы комната, а значит «приграничная». «Пригранична» и старикова доля: сегодня, слава Богу, жив, а завтра на том свете. Обретаясь в кути, старики, таким образом, готовились к дальней дороге в мир иной, а всё та же этнографическая изба Музея кацкарей – лишнее тому подтверждение. В кути, на памяти мартыновцев, доживала свой век первая хозяйка дома Анна Михайловна Григорьева, освободив другие комнаты семье сына Михаила... Но где же превращение?

В недавнем XX-ом веке, когда семьи измельчали и молодёжь стала жить от стариков отдельно, куть превратилась в мужскую часть избы! Здесь главы семейств обычно проводят долгие зимние вечера, что-либо мастера или починяя (ну не мастера, не починяя – так читая свежую газету или интересную книгу). И вот деталь уже XXI-ого века: покупая в дом вторые телевизоры, чтобы не смотреть с жёнами ненавистные сериалы, мужики их ставят для себя... правильно, в куть, в «новую» мужскую часть кацкой избы!

Есть у кути ещё одно предназначение – не знаем, старое ли, не знаем, новое ли. Куть – своеобразная гостиная деревенской избы. Идя в гости к кацкарю и не надейтесь, что вас поведут в передние комнаты или же, как это принято у горожан, на кухню; в девяносто девяти случаях из ста кацкарь вас примет в кути. Бывает, даже соседи, век бок о бок проживая, друг у друга дальше кути никогда не бывали! Эту характерную черту народного этикета ловко подметила такая вот частушка:

*Мёня мёлка изменила,
Бабы видели в кути –
Неужели мне такого
Коромысла не найти!?*

Бабы –то, конечно, и рады бы *под перёд*, да нормы деревенского поведения не пускают. Пришлось, умирая от любопытства, из кути *доглядывать*...

И вот она, основная метаморфоза: в XX веке куть стала главной комнатой кацкой избы, средоточием семейной жизни. Прихожая, трапезная, гостиная, спальная, мастерская, досуговая – это всё о ней, и всё это по мере возможностей мы по-

пытались отобразить в нашей музейной экспозиции.

Стол

Как паножитья: завтракать, полничать или вёчерять – хозяйка в куть кличёт. На стол столешник тканой стелёт, а старушенё за тем доглядываёт: «На голом-от столе не ёдят – грех!» Наволеваются, столешник приберут и по делам разбредутся.

Словари как люди: на один и тот же предмет смотрят всяк со своей стороны. «Это предмет мебели, - пишет, например, «Толковый словарь» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, - в виде широкой горизонтальной пластины на опорах, ножках». Энциклопедия И.И. Шангиной «Русский традиционный быт» зрит, что говорится, «в корень»: «Это предмет мебелировки дома, использовавшийся для трапез». Соединив обе словарные статьи, и получим развёрнутое толкование слову «стол».

Появившись в седой древности, стол, между прочим, прижился далеко не у всех народов; зато в отечественную культуру проник на столько глубоко и крепко, что породил в русском языке такие знаковые слова, как «престол», «столица», «застолье»... И вообще, более стола в доме почиталась только икона: на него нельзя было класть ребёнка, садиться и тем более класть ноги и плевать, по столу не разрешалось бегать кошкам, на него не клали серпы, ключи, лопаты...

Особенно почитался стол во время трапезы, при которой надлежало вести себя чинно, несуетно – это подчёркивают практически все кацкари-старожилы. «Был у меня мячик *маненькёй*, - рассказала 1927 года рождения жительница села Хороброва Мария Ивановна Темняткина, - и села я с ним ко столу обедать, *дак* отец как *россёрдился*, мяч выхватил и в окно *затулил*». Ну а за смех за столом полагалось от старшего по лбу ложкой. «Долго потом болело!» - вспоминает науку 1920-ых годов Михаил Алексеевич Виноградов из деревни Мартынова.

Любопытно, что стол не сразу стал таким, каким мы все привыкли его видеть. Первые славянские столы были... глинобитными и неподвижными – именно такие находят археологи, раскапывая города Пронск Рязанской области или Киев. Передвижные деревянные столы о четырёх ножках распространились по Руси, как считают учёные, с XII-XIII веков. В Музее кацкарей выставлены два заслуживающих внимания их дальних потомка...

Стол в кути происходит из деревни Владышина – это дар наследников старшей тамошней жительницы Марии Дмитриевны Смирновой. Вид у него самый что ни на есть традиционный: прямоугольная столешница (крышка) 106 на 60 см, покоящаяся на подстолье (основании). За такими столами и *паножились* (трапезничали), застияя при этом *столешником* (скатертью). «На голом столе не ёдят – грех!» - следили за соблюдением обычая старухи. Отобедав, *столешник* аккуратно складывали и убирали в ящик – до следующего приёма пищи.

Цветом стол чёрный – это самая модная окраска конца XIX - начала XX столетий. Отец Марии Дмитриевны, кстати, как раз в 1901 году строил новый дом – наверняка для него и смастерил об-

нову, которой судьба уготовила честь стать со временем музейным экспонатом. Сделать ему это было проще простого: Дмитрий Прокофьевич Смирнов ведь только летами жил в своей семье на Владышине – зимами с мужиками-однодеревенцами уходил на заработки в Санкт-Петербург, где работал на мебельной фабрике. Ему-то, мастеру-краснодеревщику, да стол не сгношить!

Но возможно, он поступил как большинство кацкарей: купил стол на одной из ярмарок в недалёком торговом селе Рождествене-Кацком. Тамошний летописец В. Гусев в своём дневнике примерно в это время (26 декабря 1903 года по старому стилю) сделал такую запись: «Бойко торговля шла столярными товарами, как-то столами, гардеробами, стульями и табуретами».

Ну а стол в соседней передней комнате явно не обеденный и даже не для деревни: массивный, как кажется, дубовый, на четырёх толстых точёных ножках, с подстольем, щедро украшенным резьбой, пятью выдвижными ящиками (средний, к сожалению, утрачен) и столешницей (130 на 68 см её размеры), обтянутой зелёной материей. Зелёным сукном, как пишут, обтягивали столы для карточной игры – так удобнее записывать мелом очки, но этот стол явно кабинетный: подстолье его высокое, по длине и ширине практически совпадает со столешницей и сидеть за ним удобно лишь одному человеку с лицевой стороны.

Стол привезён из деревни Киндякова и служит лучшей памятью о последнем его владельце Ростиславе Александровиче Преображенском – любопытнейшем из кацкарей: в молодости священнике, а в зрелые годы сельском фельдшере и заядлом *читаре* (книгочее), выписывавшем в 1960-е годы 29 наименований газет и журналов. Мда-а, время не хранит людей, так пусть хоть музей сберегает вещи, с ними связанные...

Вёшало

Вёшала у кацкарей сёйчас всё больше торговые, но было времё – выробатывали сами: хто коровы рога повесит, хто вырубит в часничкё сучёчек, хто гвоздь вобьёт, а самые-то дельные гоношили деревьянные вешала со спицам на шка́нях.

Где как, а в наших кацких избах вешала для одежды и всевозможных бытовых предметов бывают разные: *торговые* (покупные), которые Этнографический музей кацкарей *не больнё-то* (не очень-то) и интересуют, и самодельные – а вот это то, что надо!

Из самодельных *вёшал* (кацкое самоназвание вешалок) самое простое – обыкновенный... гвоздь! В некоторых домах старушек подобных вешал до такой степени много, что поневоле ловишь себя на мысли: а не коротают ли они забиванием гвоздей в стены долгие зимние вечера? Причём если современные гвозди в качестве вешала смотрятся не вполне эстетично, то кованые четырёхгранные, да ещё с большущими шляпками – очень даже ничего. По крайней мере и мы при строительстве музейных экспозиций коваными гвоздями не гнушаемся.

Но самые оригинальные вешала создаёт... сама природа! Человеку остаётся лишь присмотреть в лесу подходящее деревце или сук диаметром порядка 7 см с сучком, лучше всего растущим под пря-

мым углом. Выпилив нужный *отрѣз*, остаётся только *окорить* (снять кору) его, подтесать-подстругать, если надо, и вешало готово – никаких гвоздей!

Те, кто с инструментом подружнее, изготавливают самое, пожалуй, сложное их самодельных вешал. Берут деревянный брус, продельывают в нём сквозные отверстия и вбивают в них деревянные *спіцы* (колки) с *набалдашинам* (утолщениями на концах) – так для одежды надёжнее. В кути висит как раз типичнейшее из подобных вешал: длина бруса 101 см, высота – от 8 до 8,5 см, ширина (или проще толщина) – от 2 до 3 см. Число колков – пять, а длиной они 6,5 см плюс 3 см на *шканы* (деревянные крепления-клинышки).

- А то ещё, когда коров резали, - дополнил, помнится, осмотрев музейное хозяйство, уроженец деревни Плишкина Нижней Кадки Николай Александрович Розов, - дак из их рогов тоже вешала делали.

И верно, совсем скоро в селе Юрьевском уже Средней Кадки в доме Александра Фёдоровича и Анны Васильевны Овчинниковых мы, музейщики, именно такие и увидели: коровьи рога были прибиты к стене горницы так, как если бы они росли на корове. Для музейной экспозиции подобные смастерил известный мартыновский мастер Сергей Михайлович Ершов – получилось круче, чем модные нынче лосиные рога. Мы на них тулуп с лисьей шубой повесили – до чего *дарама* (хорошо), не описать!

Шубы да тулупы

Примаскалят парни на бисѣду, а нѣвѣстины мѣтѣри за ихнѣй срядой доглядывають: коли в овчинном тулупе жоних, дак дарама, а в шубе – из лисы да из хорькѣя – уж больнѣ раж. Самое время лапоть кидать да сватов привѣчать!

Уж так случилось, что шуба в собрании Этнографического музея кацкарей всего одна. Зато какая: лисья, крытая и мехом внутри!

Лисья – это дорогая; кацкари-старожилы вспоминают, что в пору молодости их отцов-матерей богатыми считались шубы «из лисы да из хорькѣя». Крытая – сверху покрыта тёмно-синим сукном фабричной выработки. Ну а мехом внутри – значит, старинная; в старой России шили именно так, не о красоте, а о тепле думая в первую очередь. Хотя деревенским парням, конечно же, похвастаться мехами ой как хотелось, и шубы они носили незастёгнутыми – «грудь нараспашку»!

Понятное дело, зимняя одежда из меха у русских при наших-то стужах – обретение старинное. Письменные источники знают такую аж с VIII века, называя... «кожух». Слово «шуба» появилось только XV веке под влиянием арабского «джубба» - одежда с длинными рукавами. Причём, как отмечает известный знаток одежды Раиса Мардуховна Кирсанова, «шубами до конца XIX столетия называли не всякую меховую одежду, а только крытую сверху бархатом или крашеной в зависимости от достатка владельца». Шуба, выставленная в Музее кацкарей, полностью соответствует этому определению, а значит, это настоящая шуба!

Но крестьянская. А что носили, к примеру, кацкие помещики? Среди приданого Анны Андреев-

ны Тютчевой, вышедшей замуж в 1758 году, значатся «шуба парчѣвая на лисьем меху; шуба объяринная голубая на белѣем сибирском меху; шуба алая объяринная на белѣем сибирском меху» да ещё две шубейки (то есть шубы до колен или до середины бѣдер): «алая тавтяная на лисьем меху» и «жѣлтая камчатая на заячьем меху». Богатая невеста!

Шуба в музейном собрании одна, а вот тулупов – около десятка. И всё разные: большущие и поменьше; богатые и попроще; как шубы, крытые и нагольные – сшитые из жѣлто-красных дублѣных овчин. Носили их, как правило, в дополнение к верхней одежде, одевая поверх той же шубы, пальто или фуфайки. Особенно незаменимы тулупы при езде на лошади: выдержать крепкий мороз или сильный ветер, неподвижно сидя в санях, возможно только как следует закутавшись в овчинный тулупчик.

Некоторые, кстати сказать, до сих пор так выезжают, но в целом мода на тулупы прошла и их скорее можно увидеть не в обыденной жизни, а в... обрядовых действиях. Скажем, *ряженка* в свадьбу или Рождество наденет на себя вывернутый тулуп. Во время свадебного застолья молодожёны в Кацком стане сидят в овчинном тулупе, также вывернутым *нананику* (наизнанку). А в старину, говорят, в первый день свадьбы, когда родители невесту благословят и косы её расплетут, отец три раза обводил тулуп вокруг её головы, а потом накрывал им. Сверху ещё косынку накинет – так и сидела она, милая, жениха дожидаячи.

Учёные видят в этих странных на первый взгляд действиях отголосок той далёкой старины, когда люди верили в своё родство с каким-нибудь жи-

Фрагмент экспозиции Этнографического музея кацкарей в кути.

Николай Иванович Петухов, мастер из деревни Нефина, показывает, как тянут овчину железным крюком.

Снимок С. Темнятина, 2007 год

ные обряды!

Но мы о тулупах. Ежели и сейчас можно увидеть человека в тулупе, то в XVIII – начале XX века он был одеждой повседневной, и среди кацкарей находилось немало портных, которые умели шить их. Многие ещё в памяти. «В Якучеве тулупы шил Павел Судаков, - вспомнила, например, Мария Ивановна Темнятина из села Хороброва. – Весёлый был, *розговористой*. Как *выльёт*, так и почнёт *врать*. «Курицы, - скажет, - надоели. Согрел я ведро воды да их кипятком ошпарил. Всех перевёл!»

А вот что припомнила Зоя Алексеевна Киселёва из деревни Дьяконовки, когда передавала в музей свой тулуп: «Его нам сшил в конце 1950-х годов какой-то из Юрьевского. Имени я не помню, а все звали его *Курочка Напёк*. Жил у нас с неделю – шил, а я кормила. Овчина-то на тулуп у каждого была своя, а вот *бумажной сукно* покупали в магазине».

Надежда Александровна Знамова, живущая сей-

А так тянут овчину на потажном станке.

Снимок С. Темнятина, 2007 год

вотным, называемом в науке «тотемом». Шкура или её заменитель тулуп как бы связывают людей с тотемом-родоначальником, который к своим потомкам, конечно же, настроен доброжелательно. То есть через тулуп животное-прародитель дарует благополучие и плодovitость, защищает от напастей. Так что совсем непросто старин-

час в Рыбинске, рассказала, как во всё том же селе Юрьевском портняжничал в 1936-40 годах её отец Александр Николаевич Ковшиков:

- Работал отец по патенту. Брался за всё, исключая женское платье: шил костюмы, пальто, шапки, шубы, тулупы. Вернее, больше перешивал, потому что время было тяжёлое и новый материал мало у кого имелся. Так и просили, бывало, крестьяне: «Да надо бы *старое* перелицевать... Старьё починить...» А что значит старое чинить? Постоянно ткань, швы чистить: у отца заболели лёгкие, случилась астма. Помню, были у него две швейные машинки: ножная, которая постоянно находилась дома, и ручная, которую он брал с собой. Как поступит заказ, отец летом машинку в рюкзак, а зимой на саночки, и уходил к заказчику. Жил в семье для которой шил; они его и кормили.

Пошив тулупов тесно связан с другим ремеслом – выделкой овчин; оно в XIX веке в Кацком стане процветало. Известно, что в 1897 году 3486 кацких семей держали 5828 овец – это раз. В селе Хороброве до 1892 года даже своя овчинная мастерская Андрея Федотова имелась – это два. А в селе Рождествене в то же время на тамошних ярмарках кацкие овчинники продавали в год до 3000 овчин по цене 1 рубль 35 копеек за штуку.

Правда, всё это было раньше. А что сейчас? Сыщется ли и сейчас в Кацком стане мастер, который мог бы и овчинку выделать, и тулупчик *схропáть* (сшить)? Сыщется, и недалече – в деревне Нефине.

- Так ведь я это ремесло недавно освоил, лет пятнадцать назад, - честно признался Николай Иванович Петухов. – «Спасибо» Ельцыну, тяжёлая экономическая ситуация «помогла». Но всю технологию выделки овчин изучил досконально и могу шить телогрейку, куртку, рукавицы. Шубы с тулупами не пробовал – заказов таких не поступало. Учился отчасти по книгам, отчасти припоминал опыт покойных наших мастеров Андрея Ивановича Крючкова из Перемошья и Ивана Филипповича Барулина из Дьяконовки. Современных химикатов не использую – всё делаю как встарь.

А начинает современный мастер Петухов с мездрения, то есть удаления слоя с мездры – внутренней стороны шкуры. Мездрит или *на срезок* – срезают мездриной слой остро отточенным лезвием косы, или *на сбивок* – сдирает этот самый слой тупым ножом.

Следующий этап – обезжиривание. Николай Иванович мажет мездру глиной до высыхания.

Затем идёт квашение – обработка шкур хлебным квасом. Для этого требуется овсяная, ржаная или ячменная мука грубого помола (то есть та, которую кацкари называют *посыпка*): 200-250 граммов на литр воды. Добавляются хлебная закваска, сода и обязательно соль; в старину, когда соль была дефицитом, бывало, сами её не ели, а на квашение шкур не жалели. Всё заливается водой – это и есть *кисель*. У Н.И. Петухова огромные бочки по 120 литров каждая – это на шесть средних размеров овчин. Шкуры квасятся от 3 суток до 2 недель, и их готовность Николай Иванович определяет *на щипок*: если шерсть отстаёт легко, значит, шкура готова. Передержишь – облысеет, будет годна разве что под хром на сапоги.

Далее, чтобы овчина не теряла своей носкости, её следует продубить. Кто чем, а Петухов дубит *брядовым корьём* (ивовой корой). *Дёрёт* (заготавливает) *корьё* с середины мая по июнь – в это время в полной силе сокодвижение и кора отстаёт легко.

Очень ценит стариковский совет *драть* по утрам, когда в древесном соке особенно много дубильных веществ. Связанное в пучки *корьё* просушивает под навесом, делает из него отвар, кипятя минут 40-60, и опять обязательно солит его. Дубит *намазью*, то есть мажет мездру отваром. Впитывается дубильный отвар легко, и процедуру эту приходится повторять раз 5-6 в течение суток двух.

Получается полуфабрикат светло-коричневого цвета. Чтобы сделать его более оранжевым, при дублении добавляют ольховой коры, а чёрным – кору и ветки дуба с медным купоросом.

Осталось только отправить овчину *на потяг* – размячить и растянуть её, при этом увеличивая процентов на двадцать. А разминает её Николай Иванович двумя способами: при помощи железного *крюка* и *потяжного станка*.

Овчина готова! В сезон Николаю Ивановичу Петухову удаётся заготовить 50-60 овечьих шкур, а сколько труда, чутья, навыков и физической силы на это уходит – не сосчитать. На *душегрейку* (телогрейку) расходуются 3 средних размеров овчины, на куртку – 5, а на тулуп – 7. Носите на здоровье!

Лапти да чуни

Для берёстных-то лапото́к у кацкарей было оно́ званьё – «лапти мордо́цкие». Но их почти што не носили – мало в Кадке берёзовых часников. А вот льна всёгда сеяли бо́знамо ско́лькё; из него лапти и вязали, называ́ючи их чу́ни.

Где-то в лаптях – «плетёной обуви, охватывающей ступню ноги» - ходили, а кацкари использовали их... в качестве лекарства! Не для людей, правда – для куриц. Впрочем, начнём с начала...

А о начале лаптей никто толком не знает, даже учёные. На страницах журнала «Живая старина» в 2004 году между ними развернулась самая настоящая дискуссия: так с какого же столетия известен лапоть – с X-го или с XVI-го? Так или иначе, но в XIX веке лапти – самая распространённая обувь русского крестьянства. Их плели, по свидетельству В.И. Даля, из лык, мочалы, реже из коры ракиты, ивы, тала, вяза, берёзы, дуба, из тонких корней, из драги молодого дуба, из пеньковых очёсков, разбитых ветхих верёвок, из конских грив и хвостов и, наконец, из соломы.

Что касается кацкарей, то им знакомы два вида лаптей: из *берёсца* (бересты) и... ну, мы опять забегаем вперёд!

Так вот: *глумяные* (старинные) *берёстяные лапти* (сами кацкари подобные называют отчего-то *лапти мордо́цкие*) для музейного собрания мы, как ни старались, не нашли. Время их активного бытования безнадежно ушло уже в пору детства наших бабушек и дедушек; даже 1905 года рождения старики решительно сказали, что одевали лапти только в Святки или свадьбы, когда *ходили ряженкам* (ряжеными). Во всякое другое время лапти висели... на дворе, подвешенные к куриному *нашбстку* (наесту): кацкари верили, что лапоть защитит куриц от *лядений* (болезней). *Эдакоё* вот лекарство...

И всё-таки жаль, что старинных кацких лаптей мы не нашли, потому что плели их, оказывается, везде по-разному. В центральной России использовали технику «косая решётка» (это когда полос-

ки бересты переплетаются под косым углом друг к другу), а на Украине, в Белоруссии и в ряде западных русских областей – более древнюю «прямую решётку». Какой же из них пользовались кацкари?

Николай Викторович Румянцев из Мартынова, научившийся премудростям плетения по книгам, ломать голову над этим вопросом не стал. Просто взял найденный на доме юрьевских Овчинниковых кочедыг (железный крючок на деревянной ручке) и косым переплетением сплёл отличнейшие лапоточки. Дал в них немного побегать дочке Аринке – и вот он, музейный экспонат готов. Аккуратный, лёгкий, изящный! Ну почему это кацкари, дождавшись-таки долго ожидаемого человека, говорят так некрасиво:

- Ну где же ты пропал? Мы уж *хотели в лапоть насрать да за тобой послать!*

Возможно, эта на слух горожан грубая присказка пошла от обычной вслед свахе, отправившейся сватать девушку, бросать лапоть. Говорят, очень на успешный исход сватовства влияет.

В Кацком стане всегда было мало леса – возможно, это главная причина неширокого бытования у кацкарей берестяных лаптей. А вот льна до сих пор выращивают много, и до сих пор найдутся люди, умеющие связать лапти именно из него! Называются такие льняные лапти *чуни*.

- Возьму, бывало, *горсть льна*, дверью об косяк обомну, наделаю *прядок* да *большим крючком* и свяжу, - поделилась Мария Ивановна Темняткина из села Хороброва. А вот ещё воспоминания, свидетельствующие о большой распространённости чуней у кацкарей:

«Приеду с *роботы на полни* (обеденный пере-рыв) и скорей *чуни* вязать. А *што чуни изо льня*: день побороню, и *чуни* в дырах!» – Зоя Васильевна Лепёшкина, деревня Дьяконовка.

«В *льняных-то* лаптях я ходила ещё до войны. Нам старушки вязали, а мы, *робята*, бегали, в лапту играли. На неделю хватало *на две*.» - Нина Владимировна Рыбина, деревня Иваново, что возле Говитанова.

Чуни, выставленные в Музее кацкарей, подарил рождественский житель Вячеслав Васильевич Афанасьев.

- Я их из Большого Поповичева привёз, рассказал он. – *Ряженкой рядился*, вот и снял из дому теля Анатолия Александровича Лемехова с чердака...

Сапоги

До чо́го жо кожаные-то сапоги парням ли́чат: голяшки гармошкой, а у кото́рых и загнуты – ёто значит на ихних се́рцах ёсти симпатии. А ёжели у парня и в́ходка мази́стая, дак из славильников славильник!

Бывает так, что целую музейную экспозицию способен родить один-единственный звонок. Он и раздался однажды суматошным летом 2006 года.

- А не надо ли вам чего для музея? – спрашивал рождественский учитель Василий Александрович Овчинников. – А то побывайте в доме моих родителей да и возьмите, что приглянется!

Овчинниковы – старинная кацкая семья; сколько лет стоит на Кадке село Юрьевское, столько, пожалуй, и проживает в нём она. Поэтому, отодвинув все дела (которые, к тому ж, всё равно никогда

не переделывать), мы поспешили в опустелый дом Александра Фёдоровича и Анны Васильевны. Он такой же древний, как и жившая в нём семья: крылечко, сени, зимняя половина, летняя горенка, чулан, лаз на чердак, а на чердаке – Царица Нёбёсная! – в полном комплекте сапожный инвентарь! Ну как тут не включить в экспозицию уголок сапожника? Тем более, что небольшое собрание сапог при музее уже имелось.

«Сапог – обувь с высокими глухими голенищами, закрывающими голень, а иногда и бедро,» - сообщает «Справочник обувщика». В «Повести временных лет» этот предмет впервые упоминается аж под 985 годом! Правда, на Руси в то время умели выделывать кожи лишь ягнят да телят, и сапоги были тонкими да мягкими и к тому ж без твёрдой подошвы. В конце XIII столетия, благодаря позимствованному у татар приёму киселевания кож, русские научились выделывать шкуры взрослых животных. Сапоги стали делать на твёрдой подошве, с «поднарядом» (подкладкой) и жёстким задником. Во второй половине XVI века у сапог появился каблук, но деревня пока ещё кожаных сапог не знала – они были уделом горожан. В деревню, как считают исследователи, сапог «пришёл» лишь в XVII столетии. «Пришёл» - и остался, став в XIX – первой половине XX века парадной обувью русских, в том числе и кацких крестьян. Не зря ж и в частушке поётся:

*На бисёду собирался –
Хромовы натягивал;
Щей горячих нахлёблялся,
Всю дорогу влягивал!*

- До чего же хорошо в *кожаных-то* сапогах выглядели мужики, особенно когда «*Кадрель*» *тонцевали!* – вздыхают наши бабушки, которые, впрочем, и сами были не прочь в хромовых сапогах козырнуть и этим отличались от горожанок: в городах, как пишут, в сапогах ходили только мужчины. Ну а в Кацком стане от женской моды на сапоги осталась такая частушка:

*Сапоги мои худые
Дома остроносые;
Ко мне парни не подходят –
Черти сопленосы!*

А мужики в сапогах были и впрямь красавцы: голенище гармошкой, да что б непременно скрипели. Рассказывают, парни соревновались: у кого громче скрипят сапоги, тот «круче». Ну а заставить сапоги скрипеть, оказывается, очень просто: стельку надо занять из бересты. (Кстати, мода на скрипучую обувь была распространена, пожалуй, по всей Руси. Не зря же и в песне поётся: «...На свадьбу грузчики одели со страшным скрипом башмаки...»).

Понятное дело, сапоги берегли. Михаил Иванович Казаков в своей «Запасовской старине» оставил такую интересную зарисовку: «До 1880 года молодёжь, уходя на гулянки в соседние деревни, обувала лапти (так вот, оказывается, до такого времени носили их кацкари – С.Т.), а сапоги *коженье* брала с собой, завернутые в платке. Придя к дому, где собирались девицы, лапти с ног снимали и прятали в *загату* (завалинку), а сапоги обували».

Ну а девки, продолжаем пересказывать воспоминания кацкарей-старожиллов, *первььем* *далгом* смотрели именно на сапоги – не загнута ли голенище? Если загнута, то у парня уже есть *симпатия* (сейчас бы сказали «девушка») и он *занятой*, а не загнута – значит, сердце парня свободно. Вот такие были счастливые времена, всё было ясно без всяких паспортов:

*Самовары, самовары,
Самовары дутые;
Которы парни заняты –
Сапоги загнутые.*

Или:

*Самовары, самовары,
Самовары дутые;
А мы кацкие робята –
Сапоги загнутые!*

- парни хвастались именно тем, что они *заняты*, значит, быть таковыми в ту пору считалось престижнее...

Но вернёмся к сапогам. Коль был на них спрос, жили в Кацком стане и сапожники. Иных помнят ещё по имени-отчеству – Александр Сергеевич Груздев из Комарова, Павел Иванович Рыбин из Иванова, других просто по имени – дядя Паша Осипов из Хороброва, Паша Якуческий из Якучева, а от иных остались лишь прозвища, причём иной раз презабавные: в деревне Дьяконовке, например, жил сапожник *Курицына Жона* – ох и злющий, говорят, был! Но всех их оборотистее оказался Роман Антонович Антонов, владевший до 1917 года в селе Рождествене-Кацком целой сапожной мастерской. Какие сапоги там делали – местные жители до сих пор вспоминают! Как и цену на них: 3 рубля пара. Кстати, статистика сообщает, что в начале XX века на рождественско-кацких базарах кожаных сапог продавалось ежегодно на 20000 рублей – стало быть, более 6,5 тысяч пар! Воистину, как писал летописец тамошних базаров В. Гусев, «роскошь на наряды мир заела».

Понятно, что далеко не все продаваемые в Рождествене сапоги были местного производства. Как пишет в своей книге «Собеседник» Владимир Александрович Гречухин, очень много кожаной обуви привозили в Кацкий стан кустари Поводневской волости Мышкинского уезда, освоившие сапожное ремесло ещё в начале XIX века. Один из них, Иван Филипов, «открыл, что село Рождествено – это бойкое торговое место для всей западной части уезда. И с тех пор в Рождествено ездили с коробами обуви мастера из Упругова, Мосягина, Преснецова. Каждую неделю!»

...А уголок сапожника нашей музейной кути пришёлся в пору – спасибо Овчинниковым. В нём и *тубарёточка*, и *сапожной стол*, и *липка* – переносное сиденье, стол и футляр для инструментов одновременно! Так много угодий, и так проста с виду: долблёное лубяное «ведро» диаметром 35,5 см, высотой 34 см, на ремне и с верхом, закрытым наполовину. Из липки выгнаны на свет Божий кривое сапожное шило и форштик – тоже шило, только прямое и короткое: им делают дырки для деревянных гвоздей. Есть у нас и нож-резка для срезания лишней кожи на швах, и токмачка – гладкая деревяшка для приглаживания. Интересны *жимцы* – большие деревянные клещи для закрепления сапога во время работы с ним. В общем, смотришь на всё это великолепие и вспоминаешь:

*У кого какой милой,
У меня мастеровой:
На окошке ножнички –
Шьёт полусапожечки!*

Отвечают на эту частушку всенепременно так:

*У кого какая баня,
У меня брядбовая;
У кого какая милка –
У меня бёдбовая!*

Колодки сапожные. Их много и в экспозиции, и в запасниках; редкий чердак в Кацком стане не по-

дарил музею колодки хотя бы две-три – неужели все кацкари *подчистую* (без остатка) были сапожниками? Отчасти да, потому как подремонтировать обувь, подшить-подлатать её умел любой деревенский мужик. Но, возможно, обилие колодок на сельских чердаках объясняется тем, что на рубеже XIX–XX веков их очень много делали на продажу для обувных фабрик Санкт-Петербурга и Москвы: 40 копеек за пару. Буковые колодки, которые начали было производить при помощи машин, оказались непрочными и непригодными для использования, а вот колодки, вырезанные мужиками из берёзы – тем, что надо!

К слову, в роду Овчинниковых, подаривших музею сапожную экспозицию... сапожников не оказалось; во всяком случае никто из старожилых таких не вспомнил. Откуда ж тогда на чердаке их старинного дома столько инструментов мастера-профессионала? Наверное, когда-нибудь мы разгадаем и эту загадку старинного времени...

БО́ТИКИ

«Бóты – чóртовой робóты!» - ё́то прислóвьё такóе. А ёжели сурьёзно, то бóтики надёва́лись на щобёту́хи – для того и пустотёлошной ихнёй каблучок. Удобно: на бисёду в бездорожь торишь, по любой грязи промаскалишь – бóты сьёмёшь, а щобёту́хи чистые!

Не всё то сапог, что сапогом зовётся. В профессиональной литературе так называется только та обувь, чьи голенища глухие и высокие. Обувь же «с высокими берцами (разрезанными голенищами), имеющими устройство для закрепления обуви на ноге (блочки со шнурками, пряжки, резинки и т.п.)» - это ботинки. Стало быть, та обувь, что выставлена у нас *под перёдóm* (в передней комнате) и которую мы по привычке зовём сапожками – самые настоящие ботинки и есть.

Впрочем, не будем умничать; тем более что наши предки энциклопедий не читали. Женские кожаные сапоги, голенища которых доходили до середины икры, в народе издавна называли *полусапожки*. Когда с конца XIX века их стали делать на пуговицах или шнуровке, название не изменили – полусапожки остались полусапожками (хотя на профессиональном языке это уже ботинки). Носили их девушки и молодые женщины из богатых семей по большим праздникам, и радости Александры Капитоновны Смирновой, пожалуй, не было предела, когда ей в деревню Владышино Кацкого стана да из Питера супруг Дмитрий Прокофьевич привёз эти самые чёрные кожаные полусапожки. В семье не помнят по какому случаю – наверное, в подарок к свадьбе, которую они сыграли 4 февраля 1898 года. Полусапожки чудо как хороши: с безупречным швом, на каблучке, с пуговицами-бисерками! Тут, к слову, старинной моднице впору посочувствовать: торопясь на свидание, *милка* (возлюбленная) должна была застегнуть по 15 пуговок на каждом полусапожке – уж не с тех ли пор *милки* на свиданья-то и опаздывают?

Но Александра Капитоновна в этих полусапожках не ходила: подъём не подошёл – широковаты будут ступни у наших сельчанок. Оставили для будущих дочерей, но и те *натойлились* (родились) широкоступые. Так и дожили полусапожки до дня, когда наследовавшая их Мария Дмитриевна Смирнова

ва нашла, наконец-то, им хозяина – Этнографический музей кацкарей.

...Второе «пришествие» женских ботинок в наш деревенский Кацкий стан состоялось в 1930–60 годы. Язык профессиональному термину «ботинки» уже не противился, но переименовал его в *бóты*, или поласковее – *бóтики*.

Бóты – чóртовой робóты! – это такая присказка была, а те, в которых когда-то ходила Анна Васильевна Овчинникова из Юрьевского и которые теперь в Музее кацкарей, вполне симпатичны: чёрные, из кожаменителя, с каракулевой оторочкой, войлочным поднарядом и на двух кнопках; подошвы резиновые, каблучки высокие (то есть выше 5 см) и *пустотёлошные* (пустотелые). Гм, и зачем это в них дырки?

– Дак ведь в боты-то туфли вставляли! – разъяснили бывалые. – Когда сыро, на туфли боты и *надёва́ли*. На *бисёду* придёшь, ботики *сьёмёшь*, и туфли чистые.

...Какую ещё обувь знавали деревенские женщины? Понятное дело: там где ботинки, должны быть и полуботинки – «обувь с берцами не выше лодыжек, закрывающими всю тыльную часть стопы и имеющими такое же, как ботинки, устройство для закрепления обуви на стопе». Кацкари полуботинки называли, конечно же, *полубóтики*. Но могли и по-другому: *барётки*; слово это до сих пор употребляемо в народе, только всяк его понимает по-своему: кто баретками называет полуботинки, кто – туфли, а кто и любую лёгкую обувь.

Туфли справочники трактуют как «обувь с берцами, не закрывающими тыльную часть стопы». Нам удалось записать очень красивое кацкое их диалектное название – *щобёту́хи*.

И, наконец, сандалии – «обувь, у которой верх состоит из ремешков». Как же они будут *по-кацкие*? Да *плётёнки*, конечно же! Но мы это всё о *торговьех упáтях* (покупной обуви) – пора вновь обратиться к *самодёлошной*.

ГОЛО́ШИ ДА ГАМА́ШИ

Ска́зочку-то про Ивана-царевича, три пары жолёзных упáтей измаска́лившего, штоб свою Василису-Прóшную наискáть, помнитё? Дак вот и не сказка ё́то: у нас в Ка́цком стане он свою ога́шечку искал! Не ве́ритё!? Дак зря: кацкари ишшо́ лет 50 назад в жолёзных голо́шах маскáлили, назывáючи их «гамáши».

Бывает, слушают люди частушку:

Не ходи по коридору,

Не стучи калошами;

Всё равно любить не буду –

Морда, что у лошади! – и удивляются: «Разве галоши стучат?» Сразу ясно, люди эти не кацкари, потому как у нас в Кацком стане галоши и гремят, и стучат, и скрежещут – иначе не могут, потому что... железные. Да-да, для кацкаря железные калоши – *экая невидаль* (совсем не диво)!

Кстати, а как правильно: «калоши» или «галоши»? И так, и сяк верно! Слово это было позаимствовано в XVIII веке из немецкого языка, где писалось с «к». С 1848 года стали писать, начиная с «г» - это уже под влиянием модного в ту пору французского языка. Интересно, что в древнерусском языке тоже существовало слово «калоша» - «штанина, портянка», но, как считают учёные, оно по-

забылось задолго до появления западноевропейских «калош-галош», означающих «низкую обувь, надеваемую поверх сапог, ботинок для предохранения от сырости».

Калоши XVIII века были кожаными, к началу XIX столетия появились и резиновые. Правда, резину в то время умели получать лишь из смолы каучукового дерева – тягучей и упругой. Первый русский резиновый завод, построенный в Санкт-Петербурге Кириштенем, существовал в 1832-1863 годах, но выпускаемые им калоши не пользовались особым успехом: резина того времени на морозе делалась твёрдой и жёсткой, а на солнце – мягкой и липучей. И вот только когда её стали вулканизировать – обогащать серой – она обрела свои лучшие современные качества. Резиновые заводы росли как на дрожжах, и в последней трети XIX века галоши, насытив города, пришли в деревню. А результат известный: в городе о них давно забыли, а в деревне калоши бытуют до сего дня.

Дневники летописца рождественско-кацких базаров начала XX века В. Гусева свидетельствуют о том, что калоши (а кацкари произносят *галбши*) у сельчан были особенно популярны. Вот запись от 1 декабря (по старому стилю) 1904 года: «Ввиду щедрого торгвли идёт очень бойко. Большой спрос на галоши, плюш, женскую обувь и мануфактурный товар». А вот – от 15 декабря: «Торгуют бойко мануфактурными товарами и женскими галошами».

И всё бы ничего, да началась первая мировая война, а за ней и революция, и гражданская... Поставки каучука из-за границы прекратились (а первый завод по изготовлению искусственного каучука заработал только с 1930 года), и отечественная резиновая промышленность пришла в упадок. Коли нет резины, из чего же делать калоши?

Из железа! Ну да – поскольку без калош на селе куда, то деревенские обувщики сообразили делать их из бросового железа, лишь подошва деревянная.

- Дак ведь и я в *жолёзных-то голо́шах* ходила! И до войны, и после войны. Осенью и весной; на валенки, а когда и на босу ногу. Нам их делал старик дедушка Коля, а *званьё ёму* было всё *Роба* да *Роба*, - это из воспоминаний Нины Владимировны Рыбиной, родившейся в 1928 году в деревне Иванове, затем жившей в Максакове, а теперь в Балакиреве. Но так рассказывают многие кацкари-её ровесники, только вот на вопрос, где же сейчас их

железные галоши, к сожалению, отвечают неизменно: «Были да на свалку *свэзли*. *Натуронно* (зачем) *онé* нам *тёпёрь!*»

И всё-таки пару железных калош для музейной экспозиции нам *наискать* (найти) удалось – в деревне Киндякове, на чердаке брошенного дома Орловых. А они, оказывается, лёгкие! Хотя при ходьбе, действительно, сильно гремели. В деревне Мартынове, например, в местном клубе, ни за что не начинали концерта, пока не слышат грохот от Овдеева (а Овдеево от Мартынова в трёх километрах!) – ну как же без овдеевских-то зрителей? Кстати, за этот самый стук в Мышкине железные калоши (а они бытовали и там) прозвали «бомки», ну а кацкари воспользовались словом из литературного языка: железные калоши они называют *гамашш*. (Вообще-то гамашш, как трактуют словари, «вязаные, суконные и т. п. голенища, доходившие до колена, часто на пуговицах, надеваемые поверх обуви в холодную погоду»).

На этом, пожалуй, рассказ о столь *чунных у́патах* (странной обуви) как гамашш, можно было бы и закончить, да не даёт покоя вопрос: а верно ли железную обувь породили лихолетья XX века? Как же быть тогда с известной детской сказкою – помните: три пары железных башмаков Иван-царевич истоптал, прежде чем свою Василису Премудрую нашёл. Уж не у нас ли в Кацком стане да в гамашах, он искал её, родимую? И о чём думал дедушка Роба-Николай, когда клепал их: сказочку ли вспоминал, гены ли подсказывали какую-то очень древнюю, до наших дней – увы – не дошедшую, традицию...

Чосанки

Сейчас чосанки ёсти, почитай, у кажинного деревёнского жилинца: упати жажлые, лёгкие, наскоро сушатся. А в глумяноё времё их не хватало: она-две пары на отвоинню семью. Вот и берёгли чосанки незнамо как: прохуеюют – подшивали, а розвалятыся – подплётали льняным прядкам.

*Эх, валеночки серые –
В горе остановлюсь;
Проводил бы тебя, милка,
Да покойников боюсь!*

Валенки, нашедшие себе место на музейной печи, действительно, серые, небритые, с неровно обрезанными голенищами. Бедняцкие, в общем, валенки! Их подарили Музею кацкарей работники Мышкинского Дома культуры, сказав: «Как же так: деревенский музей, а валенок нет!» Это сейчас у нас такое представление – где деревня, там и валенки; между тем национальной русской обувью они стали по историческим меркам совсем недавно – всего лишь сто лет назад, на рубеже XIX-XX веков. До того, как пишут учёные, в валенках ходили исключительно богачи.

А когда ж появились они? Тут единого взгляда у этнографов нет. Обычно пишут, что первые валенки были скатаны в Семёновском уезде Нижегородской губернии где-то в середине XVIII века, но вот у Александра Валентиновича Курбатова, кандидата исторических наук, сотрудника Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге, особое мнение: вторая половина XVI столетия. В приходно-расходной книге Антониева монастыря за 1589 год он отыскал такие строки: «Ку-

Железные галоши – гамашш – из собрания Музея кацкарей. Снимок Олега Рыбойчука (г. Углич), 2006 год

пил сапоги обшитки войлочные, дал 11 алтын,» – а это и есть валенки. Так или иначе, но до самого начала XIX века валенки были с пришитыми голенищами – не умели ещё мастера их целиком выкатывать.

А вообще, у валенка много загадок – имён, и тех *цельнёй голомён* (очень много). «Валенки» (от «валать») – самое старое, отмеченное словарями ещё в 1789 году. «Катанки» (от «катать») – помладше, с 1847 года. А ещё «пимы», «выходки», «волнушечки». Кацкари же предпочитали слово *чосанки*; впрямь так и будем называть *эти упати* (эту обувь).

Ну и кто это выдумал, что чосанки – зимняя обувь? Кто?! Ведь главное свойство их – не согреть, а сохранять заданную температуру; поэтому зимой чосанки берегут тепло, а летом... правильно, прохладу! Где как, а у нас в Кацком стане человек в валенках летом не редкость: прохладно, сухо, комфортно.

Чосанки легко сушатся, дёшево чинятся, а если *отпороть* (отрезать) голенища – превращаются в другую обувь: *опорки*. Ну а *починять* чосанки и сейчас, наверное, умеет каждый деревенский мужик: если дыра небольшая, то нужно наложить заплату – *подшить*; если дыр много, то чосанки оплетали льняными прядками – *подплётали*. В селе Юрьевском до сих пор вспоминают, как ловко подплетал, казалось, уже никуда ни годную обувь Платон Июдьч.

Такое бережное отношение к чосанкам пошло с той поры, когда они были большим дефицитом: одна-две пары да на *отбойную-то семью*, дак уж *больнё дарома* (на большую-то семью, так уж очень хорошо). Старики, чьё детство пришлось на 1910-1930 годы, часто сетуют, что не окончили полный курс начальной школы по той причине, что не в чем было ходить на занятия зимами.

Поначалу путь чосанок к кацкарям, и верно, был долог. По сообщению исследователя В.А. Гречухина, в XIX столетии в Мышкинский уезд их привозили из города Калязина соседней Тверской губернии и только в 1890 году валенки научились катать крестьяне подгородной Поводневской волости. Статистические отчёты начала XX века утверждают, что на рождественско-кацких базарах валеной обуви продавалось ежегодно на общую сумму 12000 рублей, но «свои» ли то были чосанки, привозные – не сообщается.

Но – рано ли, поздно ли – производство чосанок освоили и сами кацкари; центром их изготовления считалась деревня Медлево Нижней Кадки. Там, слава Богу, и по сию пору живёт последний из *каталей* – Александр Владимирович Шалаев, 1936 года рождения. Вот его доподлинный рассказ о своём ремесле:

«В Медлеве *каталей* много было; *чосанки катали* дядя Гриша Шустров, Миша *Крайнёй* по фамилии Блохин, Лёня Турбенев, Васька Шалаев. Катал и мой дедушка Шалаев Павел Иванович, я сперва *подсоблял* (помогал) ему, а потом и сам *наблюшнился* (научился).

Лучшие чосанки получались из *поёрка* – шерсти молодых ярок да *боранов*, которых в первый раз было принято стричь на Петров день – 12 июля. Шерсть окладывали в мешки, да с нафталином от моли и убирали до осени – чосанки осенью катали.

Сначала шерсть *щипали* – сортировали то есть, очищая от грязи, репья и прочего мусора, попутно *роздёртали* её, чтоб была рыхлая, а иначе и маши-

ну-то забьёшь.

На другой вечер *щипаную* шерсть несли *бить* к дяде Грише Шустрову – у него у одного на всю деревню была *шерстобойная машина*. К нему всегда очередь, брал он по 20 копеек с килограмма. С недёло покопит, да за день спустит. Но не жадный был, всех мужиков угостит винцом-то хорошим...

Дак вот, шерстобойная машина состояла из большого барабана и четырёх пар малых валов: барабан принимает, а валы тянут шерсть друг к дружке. Последний вал называется *пионер*, с него шерсть попадает на *отбойнёй бётёр* – ровная и пушистая. Чтобы она не смялась и не скаталась, домой её несли в *берькюнах* (сенных корзинах).

Когда шерсть готова, можно приступать к *катанию чосанок*. Начинали с того, что *накидывали полки*. Для этого на *каток*, под который приспособивали обыкновенный стол, стлали *постилу* – грубую холстину – и ровно да рыхло выкладывали на неё битую шерсть в два слоя. Это и есть *полка*.

Дальше эту самую полку аккуратно наворащивали – кто на что, а дедушка на *сковоронник*. Навернёшь, сковоронник вынешь и начинаешь *выкатывать* прямо на катке: руками, всухую и *не больнё* (не очень) твёрдо.

Выкатаёшь, розвернёшь, а шерсть схватилась, и полка что одеяльце. Кладёшь на неё выкройку сапога и *розрывдёшь* в двух местах напротив друг друга – там, где *голяшка* (голенище) переходит в *головку* (низ сапога: носок, задник и подошва). Теперь разорванную полку надо *свёрнуть в сапог*: сначала заворачивали головку, а потом голяшку. Швы на стыке *затрушивали* – прикрывали *шерсточкёй*. За швами *затрушивали* пятку, подошву – на них насыпали шерсти с палец толщиной, чтобы дольше носились. *Выкатаёшь* – то есть уплотнишь – руками, перевернёшь на другую сторону; опять *затрушишь* и *выкатаёшь*, а как *выкатаёшь* – осторожно *вытащишь* постилу.

Теперь можно сапог *стерать*. Но это завтра, а с вечера его надо замочить в бочке с водой, в которой разведён *купорос*: 1 *стокан* на 3 ведра воды. Купорос выпрашивали на Исаковском сырзаводе – там жиры обрабатывали специальной кислотой, которую и называли у нас в народе купоросом. Замачивая, сапог заворачивали носок к голяшке, связывали верёвкой и опускали в бочку. Утром вынешь, подождёшь, чтобы *пообтёкли* – можно приниматься и за *стеранье*.

Для *стеранья* чосанок у деда была приспособлена дверь с двумя невысокими бортиками, чтобы вода стекла в чугун. Для этого он и ставил её на козлах покато: один край повыше другого. Во всякое другое время на двери у него лежал матрас – вроде бы как кровать в доме стояла! Это для сельсоветчиков; ведь для занятия ремеслом в то время нужно было покупать патент, а где денег взять, если семья большая и доходу никакого!? Вот и катал дедушка валенки только по вечерам – для своих и по большому знакомству. Со слезами, бывало, упрашивали – не в чем ходить; дед соглашался, жалел детей. Да и брал недорого: 50 рублей за пару, а после денежной реформы 5 рублей.

Потому и к дяде Грише Шустрову бить шерсть ходили только вечерами – чтобы *агент не доглядел*. И ведь *доглядывали*, бывало, и опечатывали машину-то – во всей деревне тогда останавливалось «валеное производство». Приходилось покупать патент пар на 30-ть... А Мишуха Румянцев из Трухина, помнится, когда валенки катал, дак вообще в подполье прятался – такие были времена!

Александр Владимирович Шалаев из деревни Медлева – один из последних кацких каталей.

Снимок С. Темнятина, 2007 год

Так заворачивали чосанок на козла.

Снимок С. Темнятина, 2007 год

А так – на плаща.

Снимок С. Темнятина, 2007 год

Но мы о *стеранье* – это особое умение. Чосанки поливали горячей водой из ковша, заворачивая их *на козла*, *на косо́го* и *на плаща́* – вода стекала грязная-прегрязная. При этом начинали подгонять чосанки под размер, суя *чурак* в головку и *кругляк* в голяшку: если, например, размер 25-ый, то и чурак длиной 25 сантиметров. И выкатывали теперь уже не руками, а *катком*, внешним видом схожим

с вальком-рубелем, только зубья скошенны да остree.

Итак, *на козла́* – это когда заворачивали чосанок носок к голенищу и крутили его, начиная с пятки. *Остера́ешь* на козла, околотить катком – начинаешь *стерать на косо́го*: заворачивая нос в сторону – то влево, то вправо. Опять *околачива́ешь-выкатыва́ешь* – осторожно, чтобы не разорвать! Напоследок *сте́рали на плаща́* – тут уж заворачиваешь чосанок вдоль. Опять околачиваешь!

Далее чосанку *ска́лили*, то есть обкатывали железной *ска́лкой*; обычно она была шестигранной, а у деда четырёхгранная. Потом для уплотнения шерсти *обсту́кивали* её *колоту́шкой* – кривой палкой. Появившиеся рубцы и болонки *росте́рали* на *козе́* – она походила на каток, только побольше да погрузнее. Сапог, растёртый на козе, становится прочным.

Но это ещё не всё. Чосанок опускали в котёл с кипящей водой (если надо, попутно и красили по купным порошком-растворителем) и *выса́живали на коло́дки*: сперва забиваешь нос, потом голяшку. В колодках сапоги *сажали* в русскую печь сохнуть: к самой дальней стенке засунут – вверх головкой, голяшкой вниз. Торчащие из чосанок колодки, чтобы не загорелись, обмакивали в воде. Сутки – с утра и до утра – сушились сапоги в печке; но и на этом ещё делу не конец.

Вынешь чосанок из печки, очистишь *пéнзой* (пемзой) – это смола такая: твёрдая, как камень, но лёгкая; её с большим трудом добывали в Рыбинске.

Сни́мешь с колодок, *обре́жешь* голяшку кому как надо – и только тогда чосанки готовы!

Дед мой, Павел Иванович Шалаев, умер в 1960 году, и я катал уже один. А потом появились *торговьи* чосанки и надобности катать их самим уже не стало».

СВѢТЕЦ

Горит не свѣтец, а в свѣтеце́ часточка. Выроба-тывали её так: распаривали в русской пѣчи да над чегуно́м бѣрезово́й турговашек сантиметров 70 длинной, надка́львали ёго топором и щопáли на-часто отво́йным ножом – косарём. Горит часточка не дольше 5 минут, но уж до чо́го ра́жо в избе с пальмо́м-то её!

И всё-таки хорошо, что Музей кацкарей – этнографический: это позволяет его сотрудникам без колебаний наряду с древностями собирать и современность, а его мастерам, не смущаясь, реконструировать руинизированные экспонаты. Ибо предметы и давно прошедшего XIX века, и теперешнего XXI-го одинаково кацкие – с точки зрения этнографии, равноценные образцы традиционной народной культуры, которые всенепременно следует собирать, хранить и изучать...

Так получилось, что вместе с избой Румянцевых-Кочневых-Галуновых мы купили и светец: кованую подставку для лучины, которая горела и освещала жилище. С удивлением и любопытством рассматривали эту редкую теперь вещьцу – металлическую развилку о четырёх четырёхгранных *рогах* 10,5 см каждый и таким же по размеру *пятником*, забивавшемся в дерево. Подобные светцы, дабы отличить их от подвесных, подвешивавшихся подобно люстре к потолку, так и называли втычные; только вот куда же его воткнуть?

Можно прямо в стену, и так делали, да только найденный нами не годится: у стенных светцов пятник подлиннее и загнут под прямым углом. Можно в невысокое полешко – такой светец был удобен тем, что его, как лампу или свечу, можно было свободно ставить в любом месте. Бытовали и напольные светцы, деревянная подставка которых в высоту достигала 1 метра и более. Рядом со всеми типами светцов непременно нужно было поставить площадку с водой или песком, куда бы падали угли.

Однако мартьяновскому мастеру Сергею Михайловичу Ершову, который за что ни возьмётся, всё получается, не понравилось ни первое, ни второе, ни третье. Светец, вбитый в деревянный брусок, он прикрепил к ладной скамеечке, в сиденье которой выдолбил два небольших корытца для угольков. Получилось на загляденье!

Подобные светцы в специальной литературе принято называть «козликами», но правильнее было бы, пожалуй, «всадниками», а применительно к кацкой традиции даже *Бельем Корбуушкам*. Дело в том, что известный собиратель вологодской старины М.В. Суворов заметил, что своими контурами светцы-«козлики» удивительным образом схожи с фигурами всадников на северорусских вышивках. По мнению Михаила Васильевича, эти всадники не что иное, как славянский бог солнца Дажьбог. «Нетрудно представить себе, – пишет он, – как в полумраке русской избы огненный ореол вокруг «головы» всадника напоминал восходящее, жизнерадостное Солнце». В кацкой же мифологии солнце – это Белая Корова, неспешно бредущая по небосклону и посылающая на землю свет и тепло. Совсем как светец!

Можно, конечно, с иронией отнестись к этим измышлениям, но в X веке, если верить археологам, светцы уже были, и невозможно, чтобы наши предки, бывшие в то время язычниками, не наделили единственный осветительный прибор своих изб мифологической душой...

Зимой, когда смеркает рано, случается, мы зажигаем наш *свётёц*. Лучину для этого готовим заранее: берём берёзовый *турговашек* (поленце) длиной около 70-ти см, распариваем в русской печке над чугуном, надрубаяем с одного конца топором и *щопаем* тяжёлым кованым ножом-*косарём*. Тут же, в музейной экспозиции, и нож: длина его режущей части 30 см, а высота – 7! Пишут, что первоначально щепали обрубок косы – по нему, видно, и нож называли *косарь*.

А лучину кацкари называют *часточья*: видимо, потому что старались *щопать* *начасто* (очень часто, тонко то есть). Посадить её на светец – особое искусство: при сильном наклоне часточья скоро сторит, а при малом – быстро погаснет. Лучше всего наклонить часточью на 15-20 градусов, тогда она будет гореть целых 4-5 минут! Понятно, что часточью приходилось всё время менять; обычно этим занимались либо старики, либо дети, причём для последних следить за лучиной было своего рода наказанием! Это вечер-два провозиться с огнём занятно, а когда каждый вечер да целую зиму...

Но вот светец горит, и всё вокруг погружается в первобытный мягкий свет, читать при котором нельзя, а вот ковырять лапоть или просто занимать себя беседою очень даже приятно. Вот как написал об этом этнограф В.М. Василенко: «Светец, зажжённый, оживает, разгорающая лучина с её трепещущим пламенем, бросающим тени на стены и полы изб, становится чем-то сказочным. Стоит сделать лишь один шаг – а вернее, и не надо, он уже сде-

лан, – чтобы оказаться в соседстве с миром подлинной сказки, стать сопричастным этой творимой красоте, причём творимой ежевечерне».

Сергей Темняткин,
Этнографический музей кацарей

ИСТОЧНИКИ:

1. Полевые записи этнографических экспедиций по Кацкому стану, 1991-2007 гг.
2. Шангина И.И. «Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь», Санкт-Петербург, 2003 г.
3. Шангина И.И. «Русский народ. Будни и праздники. Энциклопедия», Санкт-Петербург, 2003 г.
4. «Русская изба. Иллюстрированная энциклопедия», Санкт-Петербург, 2004 г.
5. Соснина Н.Н., Шангина И.И. «Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия», Санкт-Петербург, 2001 г.
6. Даль В.И. «Толковый словарь живого великорусского языка», тома первый-второй, Москва, 2002 г.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. «Толковый словарь русского языка», Москва, 1999 г.
8. «Онегинская энциклопедия», тома первый-второй, Москва, 1999 г.
9. Шанский Н.М., Боброва Т.А. «Школьный этимологический словарь», Москва, 2001 г.
10. Семёнов А.В. «Этимологический словарь русского языка», Москва, 2005 г.
11. Рогожникова Р.П., Карская Т.С. «Словарь устаревших слов русского языка», Москва, 2005 г.
12. Панкеев И.А. «Энциклопедия народных промыслов и ремёсел, составленная Иваном Панкеевым», тома первый-второй, Москва, 2000 г.
13. Козлова В.А. «Справочник обувщика», Ростов-на-Дону, 2003 г.
14. Третьякова Т.А. «Тютчевы – мышкинские дворяне», Ярославль, 2003 г.
15. «Статистическое описание Ярославской губернии. Том I. Мышкинский уезд», Ярославль, 1900 г.
16. Гречухин В.А. «Собеседник. История России и родного края», Мышкин, 1996 г.
17. Федотов В.Г. «Промыслы Ярославской губернии», Ярославль, 2003 г.
18. «Торговля и промышленность Хоробровской волости к 1917 году» // «Кацкая летопись», № 9-10 (112-113), 2001 г.
19. «Базарная торговля за 1900-1903 гг.» // библиотека УФ ГАЯО, инв. № 336 или «Рождествено – торговое село (по материалам источников 1900-1905 годов)» // «Кацкая летопись», № 9-10, ноябрь-декабрь 2001 г.
20. Курбатов А.В. «История войлока и валяной обуви на Руси» // «Живая старина», № 3, 2006 г.
21. Осипов Д.О. «К истории лаптя на Руси» // «Живая старина», № 3, 2004 г.
22. Петрухин В.Я. «Государевы лапти» // «Живая старина», № 3, 2004 г.
23. Осипов Д.О. «Из истории русской обуви» // «Живая старина», № 1, 2005 г.
24. «Пимокаты», Советск, 2002 г.
25. Суворов М.В. «Вологодчина: невостробованная древность», Вологда, 2001 г.
26. Василенко В.М. «О содержании в русском крестьянском искусстве» // «Русское искусство XVIII века», Москва, 1973 г.

Кологривцеве. Конторские Кацари

Любят же в нашей стране увлекаться большими проектами! В 1965 году, например, три и без того немаленьких колхоза Средней Кадки: «Новый путь», «Оборона» и имени Кирова — объединили в один огромный совхоз «Оборона». Шутка ли: четыре отделения, каждый из которых размером с отдельный колхоз! Для управления новым предприятием нужно было много специалистов — их и набрали из штатов ликвидированных хозяйств.

Однако, делу время — потехе час. Бывали, конечно, и у конторских гуляния, на которые для большей повады приглашались и члены семьи. Одно из таких собралось осенью 1968 года. Кстаи, мало кто знает, что правление совхоза «Оборона» в ту пору располагалось ещё не в Рождествене, а в Кологривцеве. Ну а передала эту фотографию Музею кацкарей рождественская жительница Светлана Валентиновна Воробьева. Спасибо!

Сидят в первом ряду (слева направо):

1. Василий Васильевич Рыбин в хромовах сапогах — знать, не отошла ещё на них мода к тому времени. Сам-то он родом из деревни Трушинева, но после женитьбы перебрался в Рождествене, где и по сей день живёт. А работал всю жизнь водителем: сначала в совхозе «Оборона», потом в райпо, а затем опять в «Обороне». Детей у него двое.

2. Надежда Александровна Шарова — бессменный совхозный бухгалтер. Она тоже коренная кацкарка, из села Воскресенского в Кадке, и девичья фамилия её — Батурина. В родном доме она и по сию пору живёт. Замужем у неё сын и дочь; кстаи, на фотографии заметно, что она ждёт сына Серёжу — по этому факту мы и датировали этот снимок 1968-ым годом.

3. Мария Васильевна Колкова в модных рябых чулках — неужель в дешёные сельпо такие завезли? Родилась она в несущестующей теперь деревне Савине в семье кацкарей Калыгиных: четверо их было у отца-матери. Затем семья переселась в Золотухино, потом в Кологривцево — здесь Мария Васильевна повстречала свою судьбу. Рабочий стаж — 41 год, из которых 35 лет проработала совхозным кладовщиком, а правильно — «заведующей центральным складом». А плясала-то как, говорят, мастерски! Сейчас овдовела, живёт в Кологривцеве одна, но сыновья не забывают. Мечтает побывать в родном Савине, в котором не была «столець», да боится, что ничеготам не узнает — всё давно батальоньм да лесом заросло...

4. Надежда Алексеевна Бычкова не из коренных кацкарок, родилась в Брейтовском районе. А в Кацкой стан, в аристовский колхоз «Новый путь» была прислана бухгалтером как молодёй специалист. После создания совхоза «Оборона» туда перешла и — прижилась на Кацкой земле! Вышла замуж, воспитала сына, сейчас живёт в селе Рождествене-Кадком.

5. Нина Петровна Королёва — в «Обороне» главный бухгалтер. Родом она с Верхней Кадки, с Плишкина-Покровского, а жила с мужем в Антешеве. Родила ему сына и... развелась — всякое в жизни бывает. Сейчас живёт в Рыбинске.

6. Геннадий Фёдорович Дудочкин настолько с Кацкой землей сроднился, что мало кто и верит, что родина его от Кадки далеко — Ульяновская область. В Рождествене он попал по рас-

пределению после сельхозинститута. Работал в совхозе зоотехником, потом заместителем директора и, наконец, короткое время и самим директором. Был председателем Рождественского сельсовета, а последние 18 лет — зоотехником соседнего колхоза «Верный путь». Человек незлобивый, памятью себе оставил хорошую. Женится на кацкарке, которая родила ему двоих детей. Умер, едва выйдя на пенсию. Похоронен на Рождественском кладбище.

7. Татьяна Ивановна Кускова родилась в нашем Рождествене, и девичья фамилия её Жуклова. Где родилась, как говорится, там и пригодились почти всю жизнь свою проработав в родной школе учительницей начальных классов. Замужем была дважды, но оба раза семейная жизнь разладилась. Сейчас живёт в Мышкине с дочерью.

8. Анна Ёркина — экономист. Была прислана в наш Кацкий стан по распределению, да скоро уехала — нашла своё счастье где-то в чужих краях.

Стоят во втором ряду:

1. Нина Викторовна Даркова — из кацкарей: из рода Бычковых, что проживали в деревне Жукове. С мужем жила и в Кологривцеве, и в Аристове, работала заведующей Аристовским клубом — были такой. А пела-то, вспоминают, как хорошо! Умерла, оставив после себя дочь. Похоронена на Гаральковском кладбище.

2. Николай Александрович Шаров — муж Надежды Александровны (той самой, что вторая в первом ряду). Родился недалеко — в деревне Солине, но женившись перешёл ктёще в Воскресенское-Кацкое, где и сейчас живёт. Правда, двухэтажный багунинский дом со временем перешёл на одноэтажный... А работал всю жизнь механизатором и перед самой пенсией бригадиром.

3. Надежда Михайловна Медведева через четыре года выйдет замуж за Геннадия Фёдоровича (шестого в первом ряду) и станет Дудочкиной. А родилась она в Кологривцеве, воспитывала её мать одна. После окончания Мышкинского техникума и до самой пенсии работала бухгалтером: сначала родного колхоза имени Кирова, а затем и объединённого совхоза «Оборона». Сейчас на пенсии, живёт в Рождествене в доме с большим цветником.

4. Александр Васильевич Колпов — Мария Васильевна Колповой (третьей в первом ряду) деверь, это значит брат её мужа Родился в деревне Маурине, что на Кадке. Сженой разошёлся, а потом снова сошёлся; жизнь — удивительная штука. В совхозе «Оборона» работал механизатором, а потом кладовщиком на зерноскладе. Живёт у дочери на станции Волга.

5. А вот и Алексина Алексеевна Колкова — дважды жена Александра Васильевича. Приехала она в «Оборону» из-под Некоуз, работала агрономом. Сейчас проживает на станции Волга.

6. Геннадий Иванович Волков (выглядывает из-за женщин, в галстук) всю жизнь проработал в «Обороне»: сначала трактористом, потом — механиком. А биография его такова: родился в Нинорове, женился, заимел двоих детей, сейчас на пенсии, живёт в Рождествене, и всё у него хорошо.

7. Вера Петровна Рыбина (за Ниной Петровной Королёвой) — урождённая Тараканова, на свет появилась в Трушине, потом переехала в Рождествене. А муж её первый в первом ряду — Васи-

лий Васильевич Рыбин. В колхозе работала кассиром. Умерла, похоронена на Рождественском кладбище.

8. Анна Владимировна Волкова — из Кологривцевы, и её девичья фамилия Брусницына. В совхозной конторе работала секретарём-машинисткой: печатала приказы, распоряжения, инструкции. Сейчас живёт в Рождествене. У неё две дочери.

9. Вениамин Александрович Кусков хоть и спрягался за Анну Владимировну, но на фотографии один из самых главных — секретарь партийной организации совхоза «Оборона». Апо проишествиям он не кацкарь — приехал в Рождествене, женившись на Татьяне Ивановне Жуковой (седьмой в первом ряду). Свою карьеру в Кацком стане начал с завхозов Рождественской больницы, а закончил директором совхоза «Оборона»: может быть, так бы им и работал, да встретил новую любовь, с Татьяной Ивановной разошёлся, уехал в Кружково Мышкинского района. Там, как рассказывают, и умер: похоронен на кладбище села Харинского.

10. Александра Дмитриевна Смирнова — чуть впереди с белым воротничком. Приезжая она, работала на здешнем ветеринарном участке санитаркой. Потом уехала с мужем в Мышкин, там её видели уже кассиром в Сбербанке. У неё трое мальчишек. 11. А вот и сам её муж — Владислав Геннадьевич Смирнов. Вообще-то он ветеринарный врач, и очень хороший — все его до сих пор хвалят, нов 1968 году он был директором совхоза «Оборона». Он тоже приезжий; потому, может быть, и не остался в наших Кацких краях. В настоящее время живёт с женой в Мышкине.

12. Нина Владимировна Голикова (позади Татьяны Ивановны Кусковой) родом из Кологривцевы, и её девичья фамилия Брусницына. О чём это говорит? Да о том, что Анна Владимировна Волкова (восьмой во втором ряду) она родная сестра, а Надежда Михайловна Дудочкина (третьей во втором ряду) — двоюродная. Вышла замуж, родила двоих сыновей. Работала учёником в «Обороне», в ПМК-7, а впоследствии время — завхозом на Рождественском филиалом Сбербанка. Умерла, похоронена на Рождественском кладбище.

13. Рядом её муж — Анатолий Николаевич Голиков. Родился он тоже в Кологривцеве, всю жизнь работал водителем. Сейчас овдовел, живёт в Рождествене.

14. Рафик Юрелин, кровей нерусских, был пристав в «Оборону» ветеринарным врачом, но проработал недолго: забрал в армию, после службы в которой в Рождествене он уже не вернулся.

15. Николай Васильевич Калыгин не случайно с гармошкой — гармонист он, хоть и самоучка. Марья Васильевна Колповой (той, что третья в первом ряду) родной брат, а это значит тоже родился в Савине, потом переехал в Золотухино, а следом — и в Кологривцево. Женившись, жила в Аристове, и в Малом Пологривцеве, а сейчас в посёлке Мерга — всю Среднюю Кадку извездил! Работал механизатором — трактористом и комбайнёром, имеет много наград. В последние годы перед пенсией ушёл на льнозавод. У него трое детей.

Сергей Темнякин,
Этнографический музей кацкарей

КОЛОГРИВЦЕВО. КОНТОРСКИЕ. Осень 1968 года.

Снимок из собрания Этнографического музея кацарей

Фотографии на память

Валентина Ивановна Абрамова родилась в селе Юрьевском Средней Кадки, но судьбу свою решила связать с городом Мышкином: работала там библиотекарем, а затем много лет заведовала отделом радиовещания газеты «Волжские зори». Но, как пишут в таких случаях, «Родина звала неустанно», и сейчас Валентина Ивановна снова в Юрьевском; у неё дом, пасека, огород. Скучать некогда, но время на фотографирование — любимейшее хобби — как видите, находится.

Старые ветлы над речкой над Манкой — вот и всё, что осталось от бывлой деревни Платуновские Харчевни. 2005 год

Вот такие подсолнухи родятся в саду у Валентины Ивановны. 2005 год